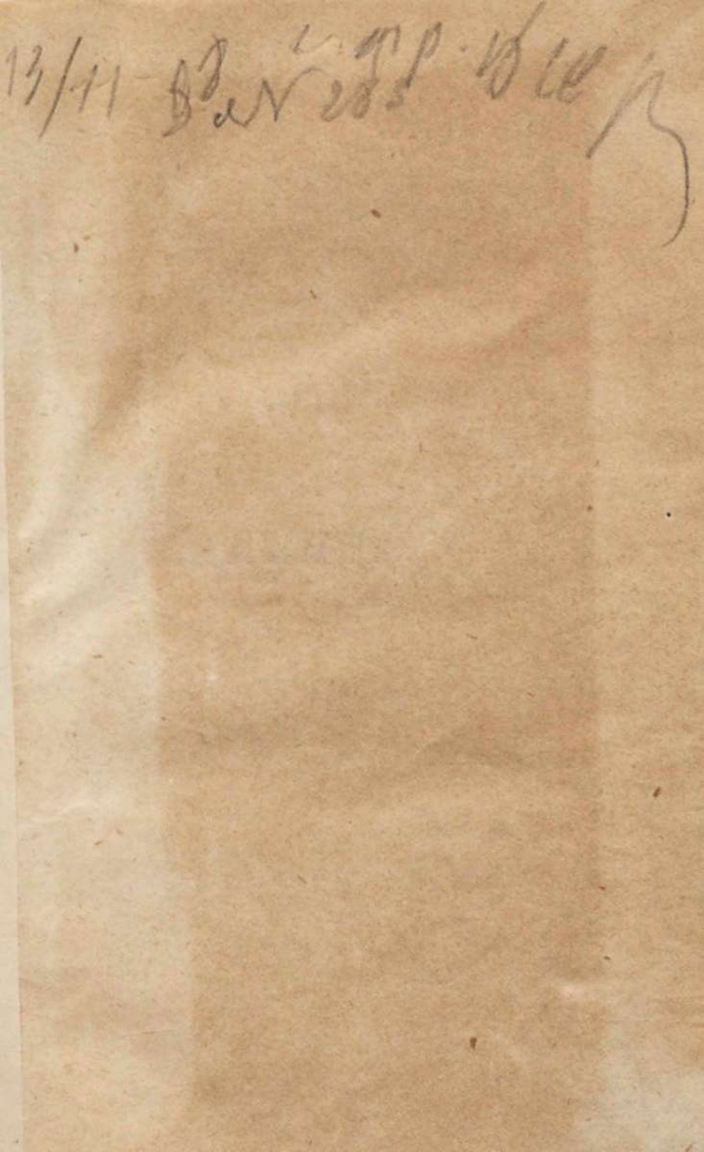
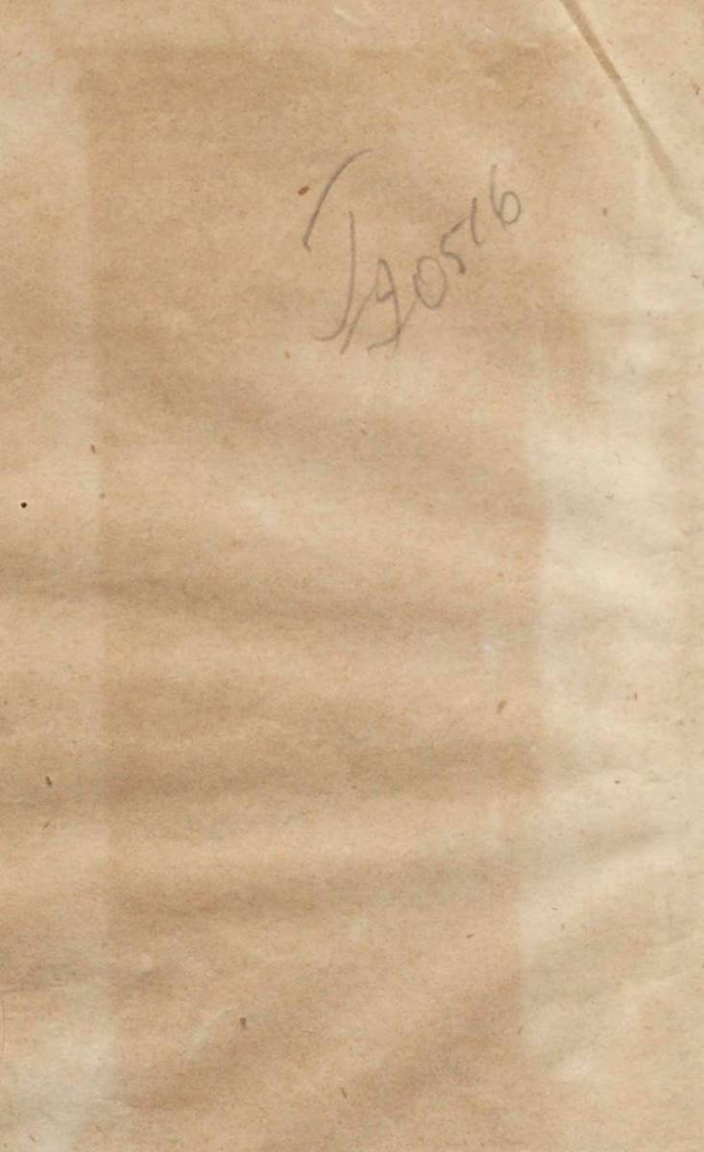
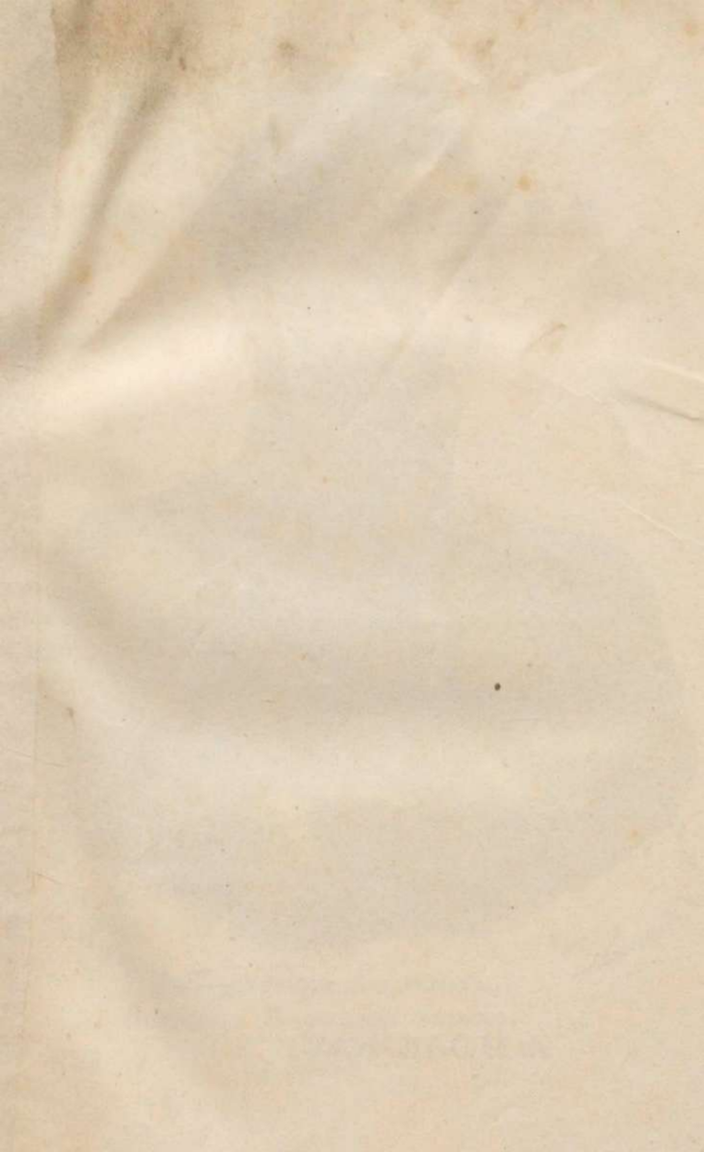

И 203
1072

Кальянъ.

А. ПОЛЕЖАЕВЪ.

КАЛЬЯНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. ПОЛЕЖАЕВА.

МОСКВА.

Въ Типографіи Лазаревыхъ
Института Восточныхъ языковъ.
1833

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Сентября 29 дня 1833 года.

Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

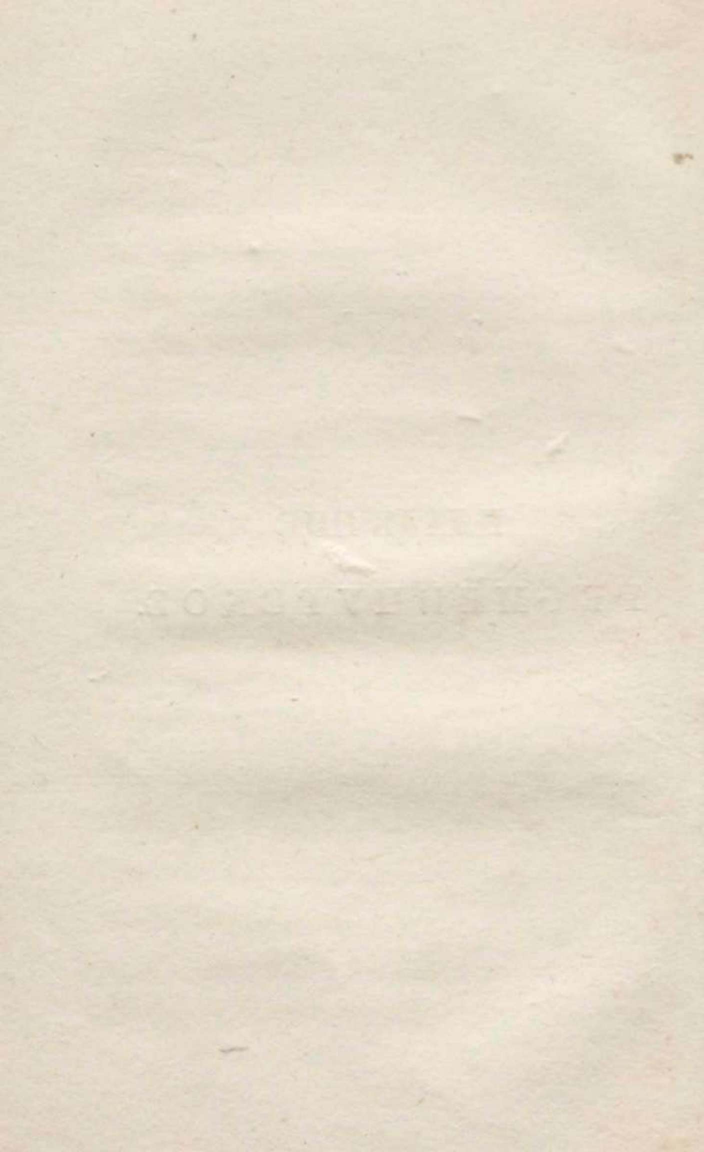
ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

КЛАДБИЩЕ
ГЕРМЕНЧУГСКОЕ.

Въ послѣдній разъ румяный день
Мелькнулъ за дальними лѣсами,
И ночи пасмурная тѣнь
Слилась уныло съ небесами.
Все тихо, мертво,—все гласитъ
Въ природѣ часъ успокоенья...
И онъ насталъ: не воскреситъ
Ничто минувшаго мгновенья.
Оно прошло, его ужъ нѣтъ
Для добродѣтели и злобы!

Пройдутъ миллъоны новыхъ лѣтъ,
И съ каждымъ утромъ новый свѣтъ
Увидитъ тоже: жизнь и гробы!
Одинъ мудрецъ, въ кругу людей,
Уму свободному послушный,
Всегда покойный, равнодушный—
Среди волненій и страстей,
Живетъ въ покоѣ безмятежномъ
Высокимъ чувствомъ бытія:
Въ грозѣ, въ несчастьи неизбѣжномъ,
Въ завидной долѣ, затая
Самолюбивое мечтанье,
Онъ, какъ безплотное созданье,
Себѣ правдивый судія.
Въ предѣлахъ нравственнаго міра,
Свершая тихій періодъ,
Какъ Скальда сѣвернаго лира,
Онъ звукъ согласный издаетъ,
Журчитъ и льется безпрерывно,
И исчезаетъ въ тишинѣ,

Какъ ароматъ Востока дивной
Въ необозримой вышинѣ.
Цари, герои, рабъ убогой ,
Одинъ готовъ для васъ удѣлъ!
Цвѣтущей, тѣсною дорогой
Кто миновать его умѣлъ?
Какъ много зла и вѣроломства
Земля могучая взяла !
Хранитъ правдивое потомство
Однѣ лишь добрыя дѣла!
Не вы ли , дикія могилы,
Останки жалкой суеты ,
Повергли въ грустныя мечты
Мой духъ угрюмый и унылый!
Что значатъ длинные ряды
Высокихъ камней и кургановъ,
Въ часы полуночи нѣмой
Стоящихъ мрачно предо мной
Въ сырой обители тумановъ?
Зачѣмъ чугунное ядро ,

Убійца Карла и Моро,
Лежитъ во прахѣ съ пирамидой
Надъ гробомъ юной дѣвы горъ?
Ея давно потухшій взоръ
Не оскорбится сей обидой!
Кто въ свѣжій памятникъ бойца
Направилъ ужасы картечи?
Не отвращалъ онъ въ вихрѣ сѣчи
Отъ смерти грознаго лица.
И ктобъ онъ ни былъ — воинъ чести,
Или презрѣнный изъ враговъ,
Надъ царствомъ мрака и гробовъ
Равно ничтожно право мести!!!

Сверкаетъ полная луна
Изъ тучь багровыми лучами ....
Я зрю — вокругъ обагрена
Земля кровавыми ручьями.
Вотъ трупъ холодный....вотъ другой
На рубежѣ своей отчизны.

Здѣсь — обезглавленный, нагой;
Тамъ — безъ руки страдалецъ жизни;
Тамъ груда тѣлъ.... Кладбище, ровъ,
Мечети, сакли—все облито
Живою кровью; все разбито
Перуномъ тысячи громовъ....
Гдѣ я? Зачѣмъ воображенья
Неограниченный полетъ
Въ мѣста ужаснаго видѣнья
Меня насильственно влечетъ?
Я очарованъ!...сонъ тревожный
Играетъ мрачною душой!...
Но пуля свищетъ надо мной!...
Злодѣи близко....ужасъ ложный
Съ чела горячаго исчезъ...
Объятый горестною думой,
Смотрю разсѣянно на лѣсъ,
Гдѣ врагъ свирѣпый и угрюмой,
Смѣнивъ покой на заговоръ,
Таитъ свой немощный позоръ.

Смотрю на жалкую ограду
Неукротимыхъ бѣглецовъ,
На ихъ мгновенную отраду
Отъ изыскательныхъ штыковъ,
На Русской станъ; воспоминаю
Минувшей битвы гулъ и звукъ,
И съ удивленіемъ мечтаю:
О воинъ горъ, о Герменчугъ!
Давно ли пышный и огромной,
Среди завистливыхъ враговъ,
Ты процвѣталъ, подъ тѣнью скромной
Очаровательныхъ садовъ?
Рука, рѣшительница боевъ,
Неотразимая въ войнѣ,
Тебя ласкала въ тишинѣ
Съ великодушіемъ героевъ;
Но ты, въ безумствѣ роковомъ,
Возсталъ подъ знаменемъ гордыни —
И предъ карающимъ мечемъ
Склонились дерзкія твердыни!..

Покровъ упалъ съ твоихъ очей,
Открыта бездна заблужденій!
Смотри, сквозь зарево огней,
Сквозь черный дымъ твоихъ селеній —
На плодъ коварства и измѣнъ!
Не ты ли, яростный, у стѣнъ,
Передъ рѣшительною битвой,
Клялся вечернею молитвой
Разсѣять сонмы Христіанъ,
И беззащитному семейству
Передавалъ въ урокъ злодѣйству
Свой утѣшительный обманъ?
Ты ждалъ громоваго удара,
Ты вызывалъ твою судьбу—
И пепелъ грознаго пожара
Рѣшилъ неровную борьбу!...
Иди теперь, иди къ несчастнымъ:
Разсѣй ихъ робость и тоску,
И мсти отчаяньемъ ужаснымъ
Непобѣдимому врагу!

И спросятъ жены, спросятъ дѣти
Тебя съ волненіемъ живымъ:
»Гдѣ наши сакли, гдѣ мечети?
»Веди насъ къ милымъ и роднымъ!
И ты отвѣтишь имъ:» Родные,
»Лежатъ, убитые, въ пыли,
»А ихъ доспѣхи боевые
»На вояхъ вражеской земли!
»Удѣлъ младенца безъ покрова —
»Дѣлитъ страданье матерей;
»Пріютъ нашъ: темная дуброва;
»Замѣна братьевъ и друзей
»Толпа голодная звѣрей!
И заглушитъ тогда стенанье
Жестокосердыя слова,
И упадетъ на грудь въ молчаньи
Твоя преступная глава!
И, движимъ грустію мятежной,
На мигъ чувствительный отецъ —
Ты будешь рѣчью безнадежной

Тушитъ съ заботливостью нѣжной
Боязнь неопытныхъ сердецъ!
То снова пылъ ожесточенья
Въ душѣ суровой закипитъ,
И надъ главою ополченья
Свинецъ разбойничьяго мщенья
Изъ за кургана просвиститъ! . . .
А грозный станъ, необозримый,
Теряясь въ ставкахъ и шатрахъ
Стоитъ покойный, недвижимый,
Какъ исполинъ, на двухъ рѣкахъ.
Великій духомъ и дѣлами,
Фіалъ щедроты и смертей,
Притекъ онъ съ Русскими орлами
Возстановить права людей,
Права людей — права закона,
Въ глухой, далекой сторонѣ,
Гдѣ звѣзды Сѣвернаго Трона
Горятъ въ туманной вышинѣ!
Его вожди. . . Скрижали чести

Давно хранятъ ихъ имена!
Труба презрительная лести
Не пробуждаетъ времена ;
Но голосъ славы, племена :
Отважный Галлъ, Османъ надменный ,
Поклонникъ ревностный Али,
Кавказъ, Сарматъ ожесточенный
Имъ приговоръ произнесли!....
Онъ святъ!... Языкъ врага отчизны
Свободенъ, смѣлъ, краснорѣчивъ :
И славный Поръ , безъ укоризны
Былъ къ Александру справедливъ ! ..

Вотъ эти славныя дружины,
Питомцы брани и побѣдъ !
Гдѣ солнце льетъ печальный свѣтъ ,
Гдѣ бездны, горы и стремнины,
Гдѣ боязливая нога
Едва ступаетъ съ изумленьемъ ,

Вездѣ съ крылатымъ ополченьемъ
Слѣды граненаго штыка!...
И Герменчугъ!... народъ жестокой,
Народъ, свой пагубный тиранъ,
Когда предъ истиной высокой
Исчезнетъ жалкій твой обманъ?
Когда признательныя очи,
Обмывъ горячею слезой,
Ты дружбу сына полуночи
Оцѣнишь гордою душой?....

Покойно все. Между шатрами
Кой-гдѣ мелькаютъ огоньки;
Съ ружьемъ и пикой за плечами
Кой-гдѣ несутся казаки;
Разводятъ цѣпи и патрули,
Смѣняютъ бодрыхъ часовыхъ,
И визгъ измѣннической пули
Вдали таинственной затихъ!...

И, вновь объятый тишиною,
Подъ кровомъ ночи дремлетъ станъ,
Пока съ грядущею зарею,
Отгрянетъ съ пушкой вѣстовою
Въ горахъ окрестныхъ барабанъ ;
Зажжется яркая денница
На склонѣ пасмурныхъ небесъ ;
Пробудитъ утренняя птица
Веселымъ пѣньемъ сонный лѣсъ,
Обвѣетъ духъ отрадной жизни
Могучій сонмъ богатырей,
И дикій видъ чужой отчизны
Предстанетъ въ блескѣ для очей!
О, сколько бурныхъ впечатлѣній,
На полѣ брани роковой,
Проснутся въ памяти живой
Побѣдоносныхъ ополченій!
Минувшій день, минувшій громъ,
Раскаты пушечнаго гула,
Картины гибели Аула,

Пальба и сѣча, прахъ стопотъ,
И визгъ, и грохотъ, и моленье,
И саблей звукъ, и ружей блескъ,
Бойницъ, заваловъ, саклей трескъ—
Все воскреситъ воображенье!...
Вотъ снова царствуетъ, кипитъ
Оно въ кругу знакомой сферы....
Ура отважное гремитъ!
Бѣгутъ на приступъ гренадеры,
Долины мирныя Москвы
Давно забывшіе для славы;
Они безстрашно въ бой кровавый
Несутъ отважныя главы!
На ровъ, на валъ, на ярость встрѣчи,
Подъ вихремъ огненныхъ дождей,
На пули, шашки и картечи
Летятъ по манію вождей.
Ни крикъ, ни вопли, ни стенанье;
Ничто отдѣльно не гремитъ,
Одно протяжное жужжанье,

Разлившись въ воздухѣ, гудитъ.
Окопы сбиты . . . врагъ трепещетъ!
Сбираетъ силы, грянулъ вновь,
Бѣжитъ, разсѣялся — и хлещетъ
Ручьями варварская кровь ...
Повсюду смерть, гроза и мщенье!
Пируютъ буйные штыки,
Вездѣ разносятъ истребленье
Неотразимые полки!
Тамъ егерь, старый бичь Кавказа,
Притекъ отъ Кура на Аргунъ
Метать свой гибельный перунъ;
А тамъ летучая зараза,
Неумолимый Карабахъ,
Съ кривою саблею въ рукахъ,
Какъ черный духъ, мелькаетъ, рубитъ
Ожесточеннаго бойца
И опрокинутаго губитъ
Стальнымъ копытомъ жеребца!...
Куртинъ, Казакъ и Персіянинъ,

Свирѣпый Турокъ, Христіанинъ,
Пришельцы дальней стороны,
Краса Грузинскихъ легіоновъ —
Все пало тучею драконовъ
На чадъ разбоя и войны! ...
И все утихло: гласъ молитвы
Въ дыму, надъ грудой братнихъ тѣлъ
И шумъ и стонъ и грохотъ битвы! ...
Осталась память славныхъ дѣлъ!

Одинъ подъ ризою ночною,
Въ туманѣ влажномъ и сыромъ,
Съ моей подругою мечтою,
Сижу на камнѣ гробовомъ.
Не крестъ—символъ души скорбящей
Стоитъ надъ чуждымъ мертвецомъ:
Онъ славенъ гибельнымъ мечемъ,
А мечъ — символъ его грозящій! ...
Быть можетъ, тѣнь его паритъ,

Облекшись въ бурю, надо мною,
И невидимою рукою
Пришельцу дерзкому грозитъ....
Быть можетъ въ битвѣ оживляла
Она отчизны бранный духъ,
И снова къ мести призывала
Сокрытый въ пеплѣ Герменчугъ.

ТРОЯНКИ,

КАНТАТА.

(*Изъ Делавина*).

Αλλ' ῳ τῶν χαλκεγχεων Τρωων
Αλοχοι μελεαι,
Και κουραι και δυσνυμφοί,
Τυφεται Ιλιον. Αιαζωμεν.

Эврипидъ.

Троянки плѣнныя на брегѣ Симоиса ,
Страдальческой толпой ,
Воспоминали дни безпечности святой ,
Которые для нихъ такъ быстро пронеслися.

Съ слезами на очахъ ,
Съ челомъ , увядшимъ отъ печали ,
Онѣ на Иліонъ разрушенный взирали,
И грусть ихъ излилась въ унылыхъ голо-
сахъ.

Хоръ.

Отечество рабовъ, погибшая держава,
Исчезъ твой блескъ, померкла слава.

Троянка.

Царей сосѣдственныхъ надежда и оплотъ,
Какъ часто Иліонъ былъ вѣрной ихъ защитой!
Безчисленный народъ,
Какъ волны, наполнялъ сей городъ знаменитый;
Полетъ губительный вѣковъ
Коснуться не дерзалъ его огромныхъ башенъ;
Возникшій изъ земли велѣніемъ боговъ
Верхами храмовъ и дворцовъ
Касался онъ, какъ полубогъ безстрашенъ,
Обители своихъ божественныхъ Творцовъ.

Другая

И пятьдесятъ сыновъ, честь Трои,
Сидѣли на пиру у добраго отца,

И старецъ изливалъ веселіе въ сердца,
И вѣрилъ въ счастіе земное,
Не видя счастію конца!

Другая.

Надежда царственнаго дома,
О Гекторъ, ты пріемлешь щитъ,
Желѣзомъ грудь твоя блеститъ,
Перо съ тяжелаго шелома
Чело высокое сѣнитъ.
Передъ Гекубой устрашенной
На играхъ мечъ твой засверкалъ,
И лавръ побѣдный увѣнчалъ
Твою главу, непобѣжденной.
Прими Гекуба сей вѣнокъ,
Надежды радостной залогъ,
Изъ рукъ любимаго Героя. . .
Увы! преступный сынъ и братъ
Вновь обнажатъ его булатъ. . . .
Но игры грозныя тогда увидитъ Троя!!!

Юная Дѣва.

Такъ Поликсена молодымъ
Своимъ подругамъ говорила:
Для насъ весна подъ небомъ голубымъ
Благоуханіе разлила;
Для насъ и игры и цвѣты.
Увы! она не говорила:
На этихъ берегахъ, гдѣ въ блескѣ красоты
Цвѣту я жизнью безмятежной,
Оплачутъ жребій мой, жестокій, неизбѣжный!
Своимъ подругамъ никогда
Она не говорила:
Я кровью орошу прекрасныя мѣста,
Гдѣ съ вами игры я дѣлила,
Среди несорванныхъ цвѣтовъ
Мнѣ гробъ безвременный готовъ!

Хоръ.

Отечество рабовъ, погибшая держава,
Исчезъ твой блескъ, померкла слава.

Троянка.

Что за корабль на бѣлыхъ парусахъ
Скользитъ по влагѣ моря сонной,
Его, какъ будто, на крылахъ
Амуръ лелѣетъ благосклонной.

Другая.

Онъ въ наши стѣны мчитъ раздоръ,
Убійство, гибель и позоръ!
О Богъ морей, Нептунъ, отмсти прелю-
бодѣю,
Властительный Зевесъ,
Сошли твой ярый громъ и молнію съ небесъ,
На встрѣчу хищнику, злодѣю!

Троянка.

Но нѣтъ, труба звучитъ,
Желѣзо засверкало,

Трещатъ скалы , упалъ разрушенный гранитъ,
Кровь льется , туча стрѣлъ и копій засвистала.
Тамъ колесница , тамъ боецъ
Встрѣчаютъ въ тѣснотѣ свой жалостный конецъ ,
И смерть запировала ! ! !

Ужасный видъ :
Гроза въ бояхъ ,
Ахиллъ летитъ —
И всё во прахъ !
Предъ нимъ боязнь ,
За нимъ во слѣдъ
Позоръ и казнь ,
И море бѣдъ.
Внезапный страхъ
У всѣхъ въ очахъ ;
На полѣ брани ,

Съ мечемъ во длани ,

Стоитъ одинъ ,

Противъ Зевеса

И Ахиллеса

Пріамовъ сынъ ! !

Другая

Несчастныя Троянки ,

Омойте чистою водой

Его священные останки.

Палъ Гекторъ , палъ герой ! . . .

Гдѣ амбра , ароматъ , мастики и куренья ?

Пусть, вкругъ его костра , гремитъ вашъ жалкій стонъ ,

Сливаясь съ пѣснію живаго сожалѣнья!...

Трояне, воины, ужь нѣтъ его!.. Вотъ онъ!...

Кропите жаркими слезами

Прахъ сына славы и побѣдъ ! . . .

Вѣнчайте , дѣвы , гробъ великаго цвѣтами....

Пріамъ идетъ за сыномъ вслѣдъ.

Хоръ.

Вѣнчайте, дѣвы, гробъ великаго цвѣтами
Пріамъ идетъ за сыномъ вслѣдъ

Троянка.

Ты спишь, о Иліонъ, и съ радостью же-
стокой
Ликуетъ Пирръ въ твоихъ стѣнахъ;
Какъ тигры алчные въ глуши далекой,
Повсюду нанося отчаянье и страхъ,
Свирѣпствуютъ сыны торжественной Элла-
ды.

Другая.

Разгонитъ вѣтръ ночную тѣнь,
Аргосъ освѣтитъ ясный день!
Но — Трою мрачный, безъ отрады!

Троянка.

О, ночь ужасная, коварный сонъ!
Зачѣмъ вокругъ меня мелькаютъ привидѣнья!
Откуда тусклый блескъ, и звѣрской вопль, и
стонъ!
Какъ бѣдственна минута пробужденья!...

Юная Троянка.

Мой братъ Степелломъ умерщвленъ.

Другая.

Сестра моя въ огнѣ Аяксовыхъ объятій.

Другая.

Къ Улиссовымъ стопамъ отецъ мой низложенъ.

Троянка.

О, день позора, день проклятій!
Дворцы разграблены, святыня сожжена

Младенцы, сестры, дѣвы, жены
Подъ мечь иль въ плѣнъ безъ обороны....
Одна могила всѣмъ гражданамъ суждена!....

Другая

Простите вы, поля родныя Трои,
Угасшій родъ Царей, погибшіе герои,
Святой отчизны красота,
И Ида съ пышными холмами
И солнце свѣтлое съ родными небесами,
Простите на всегда!...

Троянка.

Лѣсовъ и мраковъ грозный житель,
Тигръ алчный къ той долинѣ подойдетъ,
Гдѣ нѣкогда травой святыня заростетъ,
И осквернитъ его приходъ
Боговъ старинную обитель.

Другая

И пастырь Иды молчаливъ,
Въ развалинахъ священныхъ,
Подъ тѣнью лавровъ и оливъ,
Троянской кровью обогренныхъ,
Гдѣ стонетъ въ сонмѣ убіенныхъ
Пріама-мученика тѣнь,
Придетъ искать слѣдовъ разрушенной Держа-
вы,
Гробницы Гектора; а надъ могилой славы
Играетъ между тѣмъ блуждающій елень.

Другая.

А мы, несчастные остатки разрушенья,
Въ слезахъ пройдетъ нашъ грустный вѣкъ,
Волной обиды и презрѣнья
Насъ море выброситъ на чужеземный брегъ.

Другая.

Узримъ пиры враговъ; съ мучительнымъ позоромъ

Мы уготовимъ имъ столы.

Укажутъ жены ихъ съ улыбкой и укоромъ

На наши робкія, покорныя главы;

И въ чашахъ золотыхъ, въ которыхъ наши дѣды

Пивали нѣкогда за вольность и любовь,

Мы будемъ подносить для наглой ихъ бесѣды

Вино, развратъ и нашу кровь.

Троянка.

Воспойте Иліонъ, отверженный богами,

Воспойте, скажутъ намъ, ничтожные рабы!

Пусть гимны Трои между нами

Гремятъ велѣніемъ Судьбы!

О рѣки Иліона,

Мы пѣли радостно на вашихъ берегахъ ,
Когда вокругъ отеческаго трона ,
Кипѣлъ съ веселіемъ въ сердцахъ
Народъ любимый небесами ,
Въ войну и въ тишинѣ прославленный зем-
лями ;
Но гимнъ Троянскій, гимнъ неволи роковой
Не огласитъ земли чужой !

Другая.

Ты хочешь слышать пѣснь рабыни ,
Безчувственный народъ, отдай намъ матерей,
Отдай отцовъ , дѣтей и братьевъ и мужей;
Исторгни Иліонъ изъ жалостной пустыни ,
Въ которую его умѣлъ ты превратить ;.
Но если власть твоя не въ силахъ возвратить
Величія сожженнаго Пергама ,
Когда не можешь оживить
Сыновъ и воиновъ Пріама ,

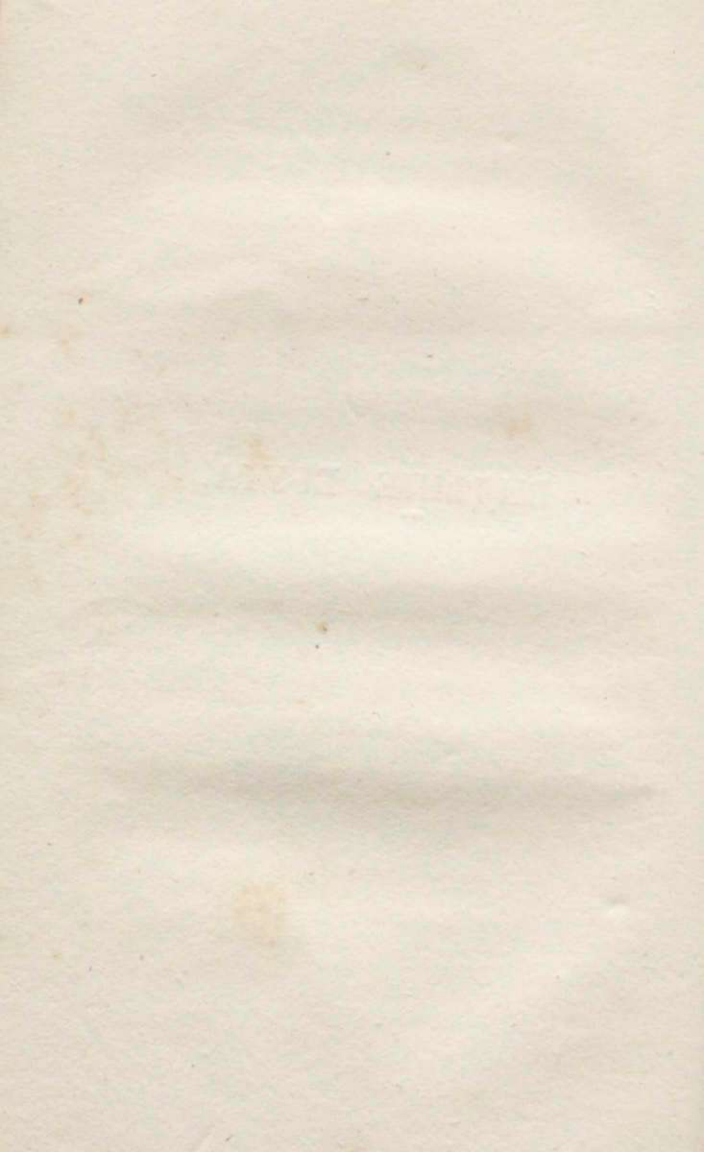
Послушай плачь, — а гимнъ неволи роковой
Не огласитъ страны чужой.

Хоръ.

Простите жь вы, поля родныя Трои,
Угасшій родъ Царей, погибшіе герои,
Святой отчизны красота,
И Ида съ пышными холмами,
И солнце свѣтлое съ родными небесами
Простите на всегда!!

ВИДѢНІЕ БРУТА.

Слетѣла ночь въ красѣ печальной
На Филиппискія поля,
Послѣдній лучь зари прощальной
Впила холодная земля.
Между враждебными шатрами
Народа славы и войны
Туманъ сгущенными волнами
Разнесъ отраду тишины.
Тревоги ратной гулъ мятежной,
Стукъ копій, броней и мечей

Умолкъ; кой-гдѣ вдали безбрежной
Мелькаетъ зарево огней;
Протяжно стонетъ конскій топотъ,
И, замирая въ тьмѣ ночной,
Сливаетъ эхо звучный ропотъ
Съ отзывомъ стражи боевой!..

И тихо все; — судьба вселенной
Погружена въ глубокій сонъ,
Одинъ булатъ окровавленный
Предпишетъ съ утромъ ей законъ.
Но чей булатъ окровавленный?
Святый защитникъ вольныхъ странъ,
Или поносный и презрѣнный
Булатъ убійца согражданъ?
Погибнетъ сонмъ Тріумвирата,
Или презрѣвши долгъ и честь,
Готовитъ Римлянинъ для брата
Позоръ и Цесарскую месть?...
Все спитъ. Ужасная минута!
Ужель зловѣщій, тяжкой сонъ

Смыкаетъ также очи Брута?
Ужель не бодрствуетъ и онъ?
О нѣтъ, волнуясь жаждой боя,
Въ его груди пылаетъ кровь,
Въ его груди, въ душѣ героя
Горитъ къ Отечеству любовь! . . .
Во тьмѣ полуночи глубокой
Угрюмъ, задумчивъ и унылъ
Подъ кровомъ ставки одинокой,
Онъ безотрадно опочилъ.
И сна вотще искали вѣжды,
Предчувствій горестныхъ толпа,
И отдаленныя надежды,
И своенравная судьба
Его насильственно терзали;
Онъ ждалъ, — онъ видѣлъ море бѣдъ,
За думой черной налетали
Другія черныя во слѣдъ.
То жертва сильныхъ впечатлѣній,
Въ волненьи памяти живой,

Онъ воскрешалъ угасшій геній ,
Судьбу страны своей родной ;
Онъ пробѣгалъ картины славы ,
Тѣ достопамятные дни ,
Когда Римъ гордый, величавый
Былъ удивленіемъ земли ;
Когда Камиллы , Сципіоны
Дробили въ гнѣвѣ роковомъ
Составы Царствъ , крушили Троны
Народной вольности мечемъ ;
Когда рождались для потомства
Сцеволы , Регулъ , Цинциннатъ ;
Когда былъ Римъ безъ вѣроломства
Свободной бѣдностью богатъ ! . . .
То снова въ вихрь переворотовъ ,
Проникнувъ съ тайною тоской ,
Онъ видѣлъ гибель Патріотовъ
Надъ ихъ потупленной главой.
Раздоры Марія и Силлы ,
Какъ бурный нравственный потопъ ,

Разрушивъ щитъ народной силы,
Повергли Римъ въ кровавый гробъ;
Два солнца Рима, два злодѣя
Въ крови отчизны возросли —
Помпей и Цесарь!... прахъ Помпея
Съ гражданской жизнью погребли...
Лепидъ, Октавій, Маркъ-Антоній
Судьбы заутро изрекутъ:
Или владычество на тронѣ
Или свободный Римъ и Брутъ.

—

— Глава, десница заговора,
Я первый вольность пробудилъ,
Я первый генія раздора,
Завоевателя Босфора,
Отца и друга умертвилъ!..
Ничтожный, робкій сонмъ Сената
Моей надеждѣ измѣнилъ,
И предъ мечемъ Тріумвирата
Колѣна рабства преклонилъ!...

Позоръ мужей, позоръ вселенной,
Тебя проклятіе вѣковъ
Постигнетъ тѣнью раздраженной
Въ предѣлахъ смерти, въ тьмѣ гробовъ!
Звучатъ, о Римъ, твои оковы!
Безгласенъ доблестный народъ!
Но Римъ, отмстители готовы!
Тарквиній, часъ твой настаетъ!
Ударитъ онъ, сей вѣстникъ казни,
Его зловѣщій, грозный бой
Отгрянетъ съ ужасомъ боязни
Въ сердцахъ отвари роковой!...
Послѣдній разъ поля отчизны
Я потоплю въ крови родной,
И кликъ безумной укоризны,
Иль голосъ славы вѣковой
Предастъ потомкамъ дальнимъ повѣсть
О битвѣ будущаго дня,
И пощадитъ, быть можетъ, совѣсть
Убійцы друга и Царя! —

Такъ вождь свободныхъ ополченій
Мечталъ въ порывѣ бурныхъ думъ,
Такъ заглушалъ змію мученій,
Тоску души — высокій умъ! . . .
Густѣетъ ночь; — между шатр ами
Молчанье мертвое и сонъ;
Луна закрыта облаками;
Герой въ забвеньѣ погруженъ;
Онъ жаждетъ сна, — смыкаетъ очи;
Но вдругъ глухой, протяжный гулъ,
Въ священномъ царствѣ полуночи,
Какъ вихорь, ставку размахнулъ.
Колоссъ огромнаго призрака
Изъ тучи воздуха растетъ,
И въ ризѣ ужаса и мрака
Очамъ героя предстаетъ! . . .
Безстрашный видитъ и трепещетъ:
Предъ нимъ убійственный кинжалъ . . . .
Извлекъ его . . . отмститель блещетъ,
Шатеръ раздался, духъ пропалъ! . . .

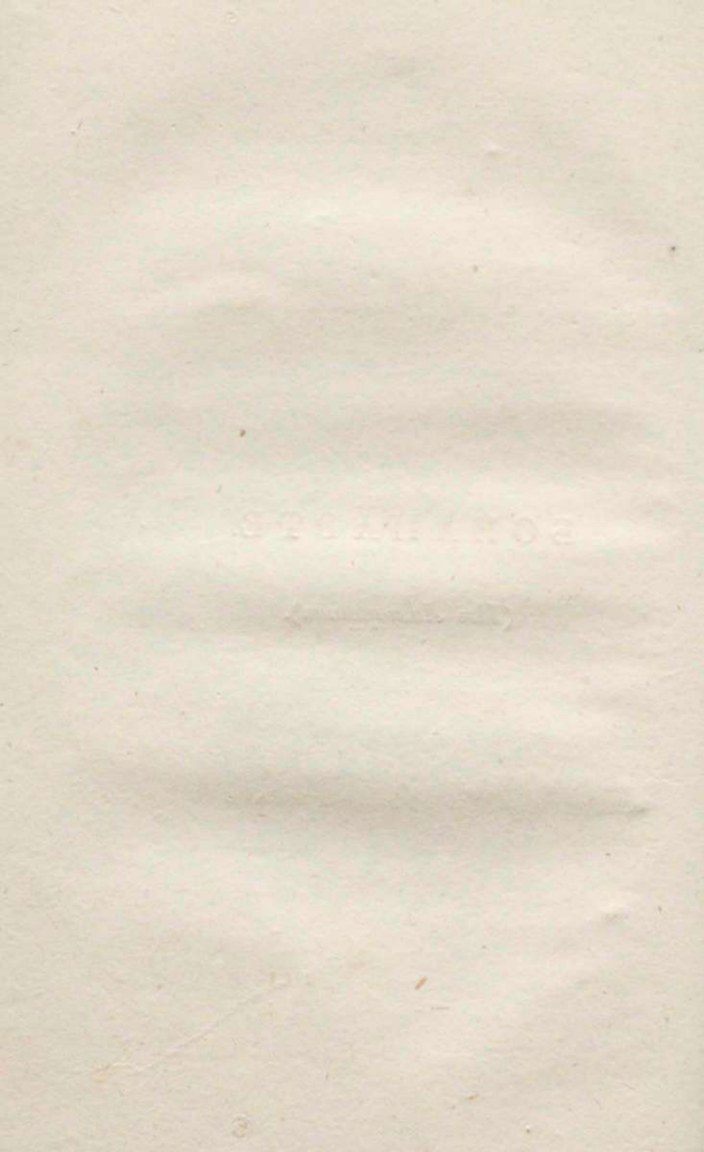
»Такъ я узналъ.. .мой злобный геній ! ...
Онъ все рѣшилъ , онъ все сказалъ ! ...
Конецъ несчастныхъ покушеній ! !

День битвы пагубной насталъ.
Шумятъ знамена бранной чести,
Тріумвиратъ не побѣдимъ,
И сынъ отваги , воинъ мести
Свободный палъ за падшій Римъ.

БОНАПАРТЕ.

(Изъ Ламартина).

Есть дикая скала на лонѣ океана,
Съ крутыхъ ея бреговъ, подъ ризою тумана,
Привѣтствуетъ тебя, задумчивый пловецъ,
Гробница мрачная, обмытая волнами,
Вблизи ея лежатъ обросшіе цвѣтами,
Разбитый скипетръ и вѣнецъ!...

Кто здѣсь? нѣтъ имени!. спросите у вселен-
ной!
То имя начерталъ булатъ окровавленной

Отъ Скиѳскаго шатра до Нильскихъ бере-
гов,
На бронзѣ, на груди бойцевъ ожесточенныхъ,
Въ народныхъ племенахъ, въ милльонахъ изу-
мленныхъ,
Предъ нимъ склонявшихся рабовъ.

Два имени вѣкамъ переданы вѣками;
Но никогда, ничье громовыми крылами
Не разсѣкало міръ съ подобной быстротой!
Нигдѣ, ничья нога сильнѣе не врѣзала
Слѣдовъ въ лице земли, и грозную сковала
Судьба надъ дикою скалой! . .

Вотъ, здѣсь его дитя шагами измѣряетъ;
Враждебная пята гробницу попираетъ;
Громовое чело объято тишиной;
Надъ нимъ въ вечерней мглѣ жужжитъ комаръ
ничтожный,

И тѣнь его одинъ внимаетъ гулъ тревожный
Волны летящей за волной.

И миръ тебѣ, о прахъ великаго Героя,
Ты цѣлъ и невредимъ въ обители покоя!
Гласъ лиры никогда гробовъ не возмущалъ,
Всегда таила смерть убѣжище для славы,
Ничто не оскорбитъ удѣлъ твой величавый:
Тебѣ потомство трибуналъ!..

Твой гробъ и колыбель сокрыты въ мглѣ ту-
мана;
Но ты, какъ молнія, возникъ изъ урагана,
И безъимянный мужъ вселенную сразилъ.
Такъ точно славный Нилъ, подъ Мемфисомъ
глубокій,
Въ Мемноновыхъ степяхъ струитъ свои по-
токи
Еще безъ памяти, безъ силъ.

Упали алтари, разрушилися троны,
Ты міру даровалъ побѣды и законы;
Ты славой нареченъ надъ вольностію Царемъ,
И вѣкъ, ужасный вѣкъ, который местью грянулъ
На царства и боговъ, передъ тобой отпрянулъ
На шагъ, въ безмолвьи роковомъ.

Ты грознаго числа враговъ не устрашался;
Ты съ призракомъ, вторый Израиль, состязался,
И призракъ изнемогъ подъ тяжестію твоей;
Возвышенныхъ именъ могучій осквернитель,
Ты съ слабостію игралъ, какъ демонъ соблазнитель
Играетъ съ чашей алтарей.

Такъ, если старый вѣкъ, при факелѣ могиль-
номъ,
Терзаетъ, рветъ себя въ отчаяньи безсиль-
номъ,
Издавши вольный кликъ, въ заржавленныхъ
цѣпяхъ;
То вдругъ, изъ подъ земли, Герой неблаго-
дарный,
Встаетъ, разитъ его — и ложь, какъ сонъ
коварный,
Падетъ предъ истиной во прахъ!

Свобода, слава, честь — мечты очарованья —
Гремѣли для тебя, какъ бранныя воззванья,
Какъ отзывъ роковой воинственной трубы,
И слухъ твой, языкомъ невнятнымъ пора-
женной,
Внималъ лишь одному волненію Вселенной
И воплю смерти и борьбы!...

И чуждый правъ людей, надменный, велича-
вый
У міра одного ты требовалъ: Державы!
Ты шелъ. . . и предъ тобой вездѣ раждался
путь,
И лавры на скалахъ пустынныхъ зеленѣли!
Такъ мѣткая стрѣла летитъ до вѣрной цѣли,
Хотябъ сквозь дружескую грудь.

И никогда фіалъ минутнаго безумья,
Съ чела не разгонялъ державнаго раздумья;
Ты пурпура искалъ не въ чашѣ золотой;
Какъ воинъ на часахъ, угрюмый и безсонный
Ни вздоха, ни слезы, ни ласки благосклонной
Ты не дарилъ красѣ младой.

Войну, тревогу, стонъ лучи зари багровой
На копьяхъ и мечахъ любилъ твой духъ суро-
вой,

И только одного товарища въ бояхъ
Лелѣяла твоя десница громовая,
Когда, широкій хвостъ и гриву воздымая,
Онъ билъ копытомъ сталь и прахъ.

Неравный никому гордыней равнодушной,
Ты палъ безъ ропота, судьбѣ твоей послуш-
ной,
Ты мыслилъ... и презрѣлъ и зависть и любовь!
Какъ царственный орелъ, могучій сынъ эѳира,
Одинъ, всевидящій — ты взоръ имѣлъ для
міра,
И этотъ взоръ былъ: смерть и кровь!

Внезапно овладѣть побѣдной колесницей;
Вселенную потрясть могущею десницей;
Попрать одной ногой Трибуновъ и Царей;
Сковать ярмо любви — изъ зависти коварной —

Заставить трепетать народъ неблагодарный,
Освобожденный отъ цѣпей!

Быть вѣка своего и мыслію и жизнью,
Кинжалы притупить, разсѣять бунтъ въ отчизнѣ,
Разрушить и создать всемірные столпы,
Подъ заревомъ громовъ, надежды неизмѣнной
Оспорить у боговъ владычество Вселенной. . .
О Сонъ! . . . О дивныя судьбы! . . .

Ты палъ однако, палъ — на пиршествѣ великомъ,
И плащь властительный ты на утесѣ дикомъ
Увидѣлъ наконецъ растерзанный врагомъ,
И Рокъ, единый Богъ, въ котораго ты вѣрилъ,
Изъ жалости сажень земли тебѣ отмѣрилъ
Между могилой и вѣнцомъ.

О, еслибъ я постигъ глубокія мечтанья,
Ужасные плоды того воспоминанья,
Которое тебя покинуть не могло! . . .
На доблестную грудь бездѣйственныя руки
Ты складывалъ крестомъ и тягостныя муки
Мрачили грозное чело!

Какъ пастырь на брегу рѣки уединенной,
Завидя тѣнь свою въ волнѣ одушевленной,
Слѣдитъ ее вблизи и въ нѣдрахъ глубины;
Такъ точно на скалѣ, печальный и угрюмой,
Ты гордо вызывалъ торжественною думой
Дни величавой старины;

И, радуя твои внимательные взоры
Въ роскошной красотѣ текли они какъ горы,
И слухъ твой утѣшалъ ихъ ропотъ вѣковой,
И каждая волна, блестящую картину

Раскинувъ предъ тобой, скрывалася въ пучину,
И ты летѣлъ за ней душой.

Вотъ здѣсь, ты на мосту въ огнѣ, передъ громами;
Тамъ, степи заметалъ враждебными чалмами;
Тамъ, стонетъ Іорданъ, узрѣвъ тебя въ волнахъ;
Тамъ, горы подавилъ стопой неодолимой;
Тамъ, скипетръ обмѣнилъ твой мечь непобѣдимой;
А здѣсь. . . Но что за чудный страхъ?

Зачѣмъ ты отвратилъ испуганныя очи?
Блѣдно твое чело! . . . Скажи, во мракѣ ночи,
Что бурная волна къ стопамъ твоимъ несетъ? . .
Не тяжкой ли войны печальныя картины;

Не кровью ли враговъ обмытыя долины!

Но слава, слава все сотретъ! . . . .

Загладитъ всё она, всё, кромѣ преступленья;

Но перстъ ея, но перстъ.. онъ кажетъ жертву мщенья —

Трупъ юноши въ крови! . . И мутная волна

Несла его, несла, и снова возвращалась,

И, будто судія, къ убійцѣ обращалась

Съ ужасной повѣстью она! . .

А онъ, какъ заклейменъ печатью громовою,

Онъ быстро закрывалъ чело свое рукою;

Но кровь изъ подъ руки прозрачно и свѣтло

Являлась и текла струей неукротимой;

Багровое пятно, какъ царской діадимой,

Вѣнчало блѣдное чело.

И вотъ, тиранъ, и вотъ, за это вѣроломство
Возстанетъ на тебя правдивое потомство!
Кроваваго пятна ничто не истребитъ!
Ты выше и славнѣй соперника Помпея;
Но кто, скажи мнѣ, кто — и Марія злодѣя
Въ тебѣ невольно не узритъ?..

И умеръ наконецъ ты смертію народной,
Уснулъ, какъ селянинъ, на пажити без-
плодной,
Безъ платы за труды, съ притупленной ко-
сой!
Мечемъ вооружась, какъ будто для осады
У Вышняго просить суда или награды
Явился ты съ твоей рукой.

Въ послѣдніе часы, болѣзнью изнуренный,
Одинъ, съ своимъ умомъ, предъ тайной со-
кровенной,

Казалось, онъ искалъ чего-то въ небесахъ;
Невнятно лепеталъ языкъ его суровый,
Хотѣлъ произнести невѣдомое слово;
Но замеръ голосъ на устахъ!..

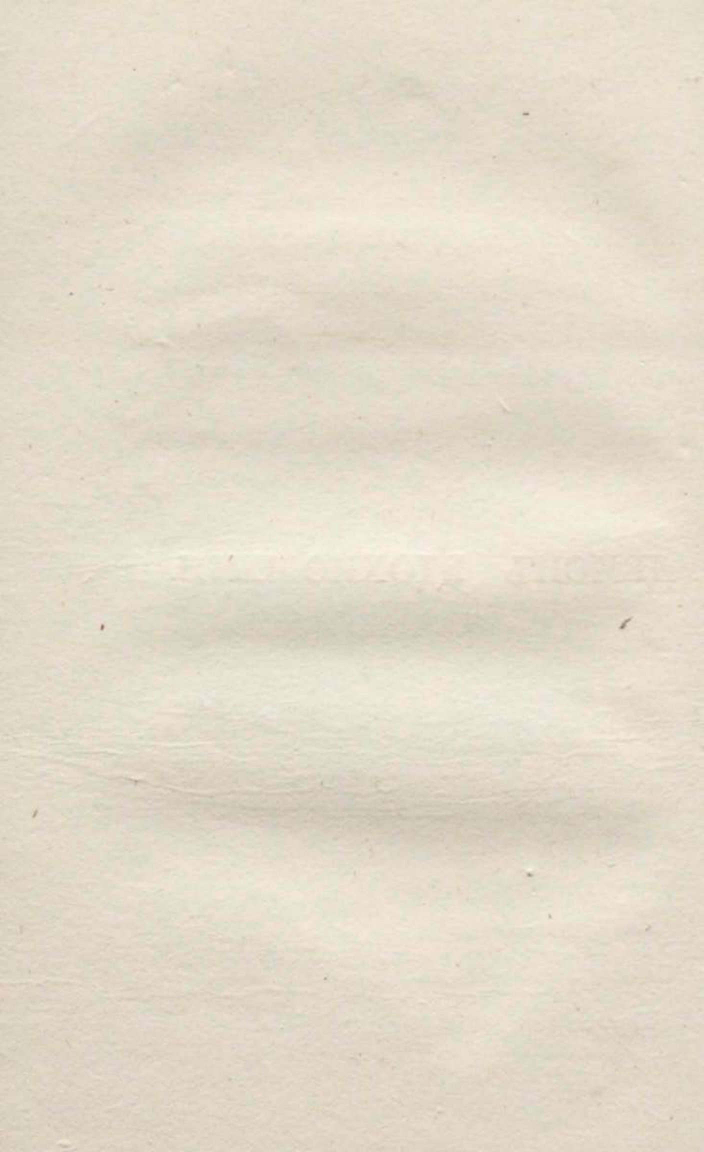
Окончи.... это Богъ, Владыка тьмы и славы,
Царь жизни и смертей!.. Онъ силу и державы
Вручаетъ и назадъ торжественно беретъ!..
Отвѣтствуй.... Онъ одинъ пойметъ непостижимыхъ;
Онъ судитъ и казнитъ царей несправедливыхъ;
Ему рабы даютъ отчетъ.

Но гробъ его закрытъ! . Онъ тамъ уже... Молчанье!
Предъ Богомъ на вѣсахъ добро и злодѣянье!..

Онъ тамъ! . . Съ лица земли исчезъ великій
мужъ! . . . .
О Боже, кто постигъ пути твоихъ велѣній?
Что значитъ человѣкъ? Увы, быть можетъ,
геній
Есть добродѣтель падшихъ душъ! . .

ДЕМОНЪ ВДОХНОВЕНІЯ.

Такъ, это онъ знакомецъ чудный
Моей тоскующей души,
Мой добрый гость въ толпѣ безлюдной
И въ усыпительной глуши!
Недаромъ сердце угнетала
Непостижимая печаль,
Оно рвалось, летѣло вдаль,
Оно желаннаго искало.
И вотъ, какъ тихій сонъ могилъ,
Лобзаясь съ хладными крестами,

Онъ благотворно осѣнилъ
Меня волшебными крылами,
И съ нихъ обильными струями
Сбѣжала въ грудь мнѣ крѣпость силъ,
И онъ безплотными устами
Къ моимъ безчувственнымъ приникъ,
И своенравнымъ вдохновеньемъ
Душа зажглася съ изступленьемъ,
И проглаголалъ мой языкъ:
Гдѣ я, гдѣ я? какихъ условій
Я былъ торжественнымъ рабомъ?
Надъ Аполлоновымъ жрецомъ
Летаетъ демонъ празднословій!
Я вижу — злая клевета
Шипитъ, въ пыли змѣинымъ жаломъ,
И злая глупость, мать вреда,
Грозитъ мнѣ издали кинжаломъ.
Я вижу, будто-бы во снѣ,
Фигуры, тѣни, лица, маски
Темны, прозрачны и безъ краски,

Густою цѣпью по стѣнѣ,
Онѣ мелькаютъ въ видѣ пляски. . .
Ни па, ни такты, ни шаговъ
У очарованныхъ духовъ. . :
То нитью легкой и протяжной,
Подобно тонкимъ облакамъ,
То массой черной, сто—этажной
Плывутъ какъ волны по волнамъ,
Какое чудо! что за видъ
Фантасмагоріи волшебной! . . . .
Всѣ тѣни гимнъ поютъ волшебный;
Я слышу, страшный хоръ гласитъ:
»О Ариманъ! о грозный царь
Тѣней, забытыхъ Оризмадомъ!
Къ тебѣ взываетъ цѣлымъ адомъ
Твоя трепещущая тварь! . . ,
Мы не страшимся тяжкой муки:
Давно, давно привыкли къ ней
Въ часы твоей угрюмой скуки,
Подъ звукомъ тягостныхъ цѣпей,

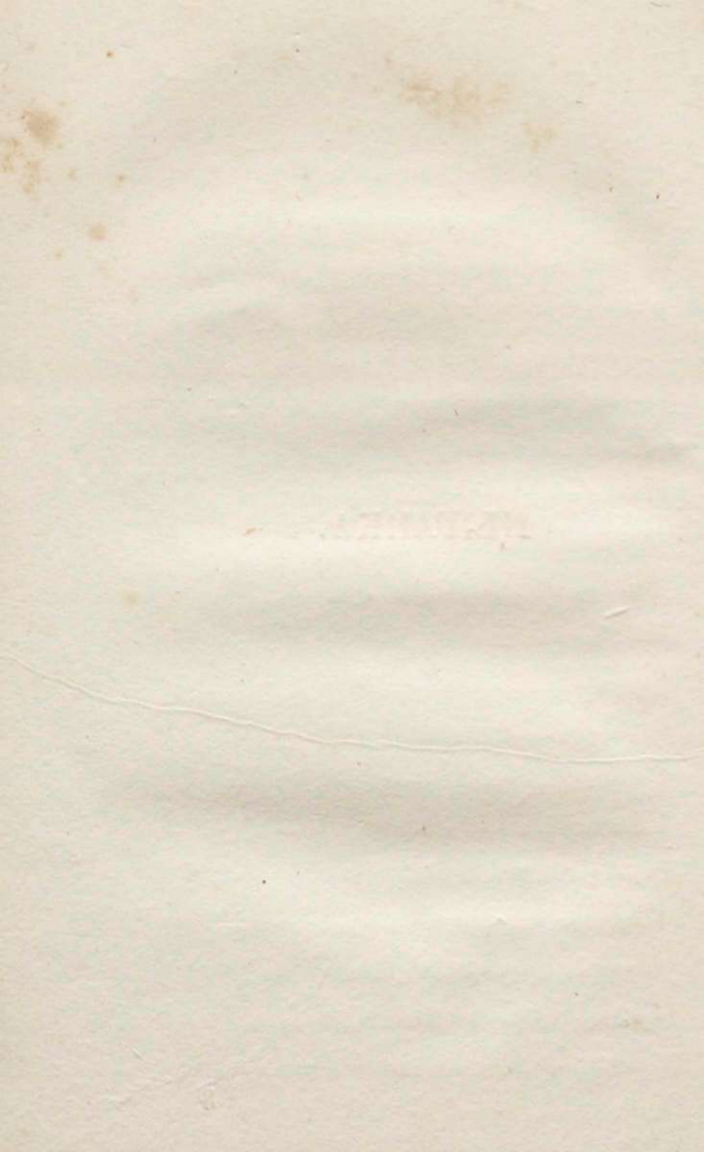
Съ печальнымъ мѣсячнымъ восходомъ
Къ тебѣ мы мрачнымъ хороводомъ ,
Спѣшимъ, возставши изъ гробовъ,
На крыльяхъ филиновъ и совъ !
Сыны родительскихъ проклятій,
Надежду вживѣ погубя ,
Мы ненавидимъ и себя ,
И злыхъ и добрыхъ нашихъ братій ! .
Когтями острыми мы рвемъ
Ихъ изнуренные составы ;
Страдая сами — зло за зломъ ,
Изобрѣтаемъ мы , царь славы ,
Для страшной демонской забавы ,
Для наслажденья твоего ! . . .
Воззри на насъ кровавымъ окомъ:
Есть пиръ любимый для него , —
И въ утѣшеніи жестокомъ ,
Сквозь мракъ геенны и огни,
Уста улыбкой проясни !
О Ариманъ! о грозный Царь

Тѣней, забытыхъ Оризмадомъ!
Къ тебѣ взываемъ цѣлымъ адомъ
Твоя трепещущая тварь!..«

И вдругъ и трескъ,
И громъ, и блескъ –
И Ариманъ,
Какъ ураганъ,
Въ тройной коронѣ
Изъ черныхъ змѣй,
Предсталъ на тронѣ
Среди тѣней!
Умолкли стоны,
И милліоны
Волшебныхъ лицъ
Поверглись ницъ!..
»Рабы мои, рабы мои,
Отступники небеснаго свѣтила!
Надъ вами власть моей руки
Отъ вѣчности до нынѣ опочила,
И непреложенъ мой законъ!...

Настанетъ день неотразимой злобы —
Пожрутъ, пожрутъ неистовые гробы —
И солнце, и луну, и гордый небосклонъ:
Всё грозно дань заплатитъ разрушенью, —
И на развалинахъ міровъ
Узрите вы опять, по тайному велѣнью,
Во мнѣ Властителя страдающихъ духовъ!«
И вновь и трескъ,
И громъ, и блескъ —
И Ариманъ,
Какъ ураганъ,
Въ тройной коронѣ
Изъ черныхъ змѣй,
Исчезъ на тронѣ
Среди тѣней! . . .
Все тихо! . . . Страшныя видѣнья,
Какъ вихрь умчались по стѣнѣ,
И я, какъ будто въ тяжкомъ снѣ,
Опять съ своей тоской сижу наединѣ!
За чѣмъ ты улетѣлъ, о Демонъ вдохно-
венья! . . .

ЦЫГАНКА.

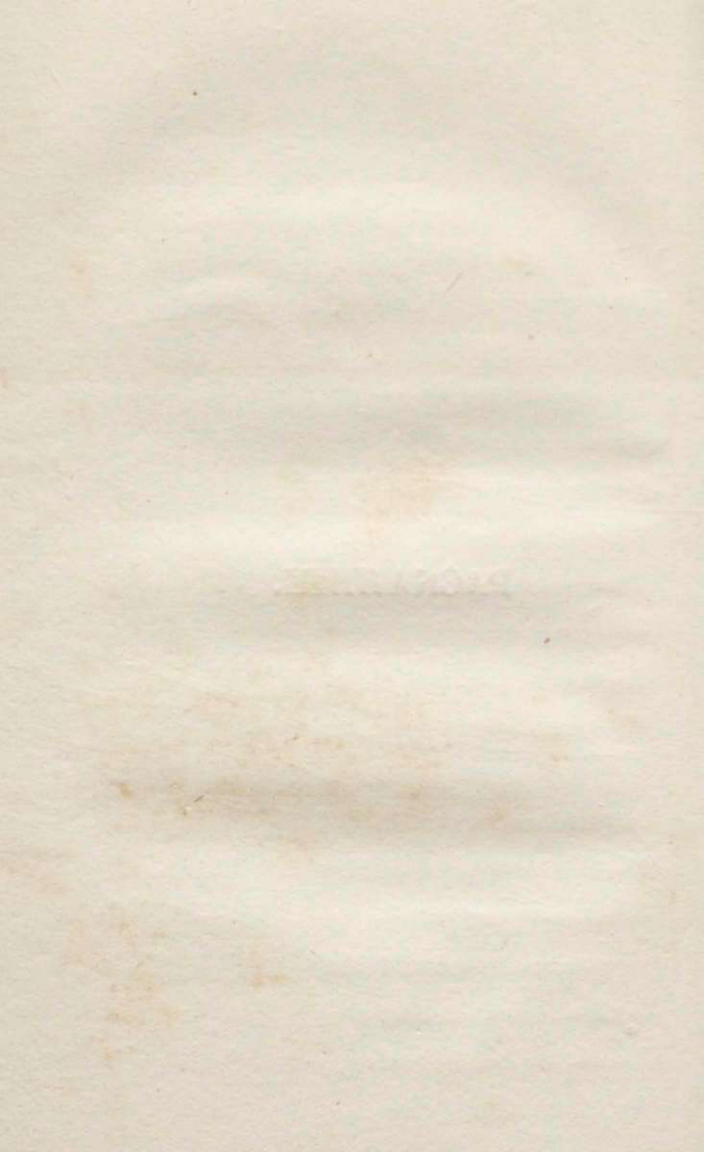

Кто идетъ передъ толпою
На широкой площади,
Съ загорѣлой красотою
На щекахъ и на груди?
Подъ разодраннымъ покровомъ
Проницательна, черна —
Кто въ величіи суровомъ
Эта дивная жена?
Бьются локоны небрежно
По нагимъ ея плечамъ,
Искры наглости мятежно
Разбѣжались по очамъ,
И страшнѣй ударовъ сѣчи,
Какъ гремучая рѣка —
Льются сладостныя рѣчи
У безстыдной съ языка.
Узнаю тебя, Вакханка,
Незабвенной старины,

Ты коварная цыганка ,
Дочь свободы и весны.
Подъ узлами бѣдной шали
Ты не скроешь отъ меня
Ненавистницу печали ,
Друга радостнаго дня.
Ты знакома вдохновенью
Поэтической мечты ,
Ты дарила наслажденью
Аѳриканскіе цвѣты.
Ахъ , я помню , но ужасно
Вспоминать лукавый сонъ ,
Ѳараонка , не напрасно
Тяготитъ мнѣ душу онъ !
Пронеслась съ годами сила ,
Я увялъ, и на яву
Мнѣ рука твоя вручила
Приворотную траву.

РАСКАЯНІЕ.

Я согрѣшилъ противъ разсудка,
Его на мигъ я разлюбилъ:
Тебѣ, степная незабудка,
Его я съ честью подарилъ!

Я промѣнялъ святую совѣсть
На мщенье буйнаго глупца,
И отвратительная повѣсть
Гласитъ безуміе пѣвца.
Я согрѣшилъ противъ условій
Души и славы молодой,
Который демонъ празднословій
Теперь освищетъ съ клеветой!
Кинжалъ коварный сожалѣнья
Притворной дружбы и любви
Теперь потонетъ безъ сомнѣнья;
Въ моей бунтующей крови;
Толпа знакомцевъ вѣроломныхъ,
Ихъ шумный смѣхъ, и строгій взоръ
Мужей значительно безмолвныхъ,
И ропотъ дѣвъ неблагосклонныхъ —
Все мнѣ и казнь и приговоръ!
Какъ чадъ неистовый похмѣлья
Ты отлетѣла наконецъ,
Минута злобнаго веселья!

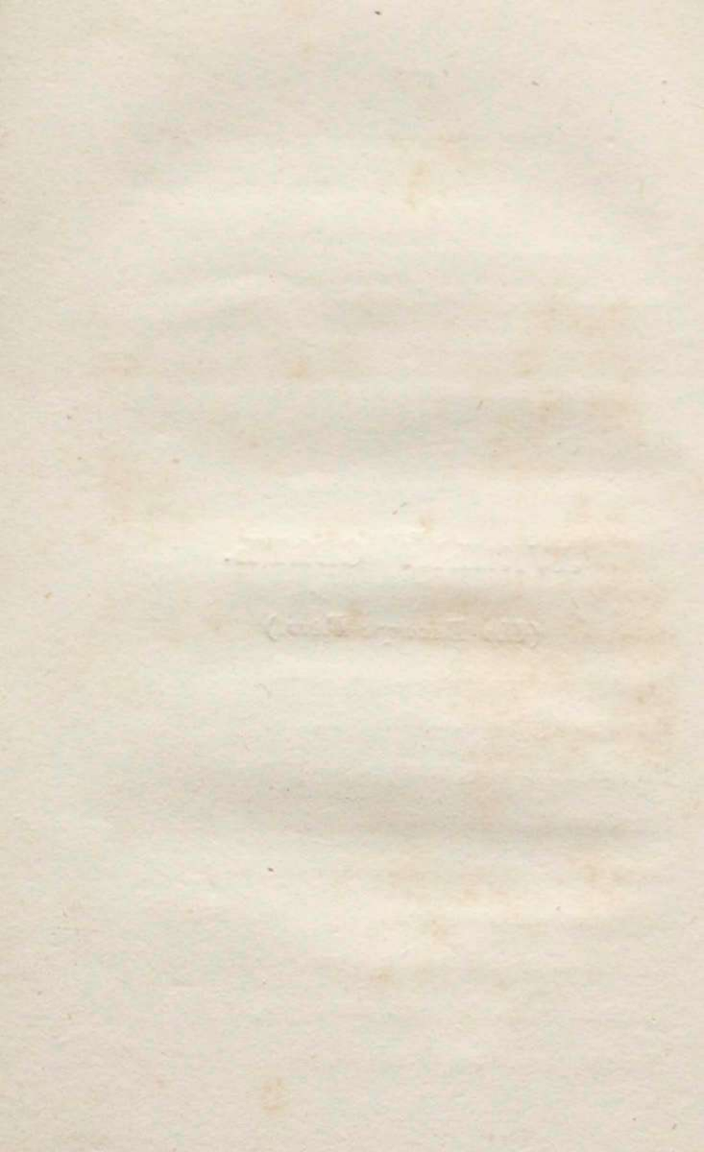
Проснись задумчивый пѣвецъ!
Гдѣ гармоническая лира,
Гдѣ Барда юнаго вѣнокъ?
Ужель повергнулъ ихъ порокъ
Къ стопамъ ничтожнаго кумира?
Ужель бездушный идеалъ
Неотразимаго разврата
Тебя, какъ жертву Казамата,
Рукой поносной оковалъ!
О нѣтъ! свершилось!.. жаръ мятежной
Остылъ на пасмурномъ челѣ:
Какъ сынъ земли, я дань землѣ
Принесъ чредою неизбѣжной;
Узналъ безславіе, позоръ
Подъ маской дикаго невѣжды;
Но предъ лицомъ Кавказскихъ горъ
Я рву нечистыя одежды!
Подобный гордостью горамъ,
Замѣтнымъ въ безднахъ и лазури,
Я воспарю, какъ Фиміамъ,

Съ цвѣтовъ пустынныхъ къ небесамъ,
И передамъ моимъ струнамъ
И ревъ, и вой минувшей бури.

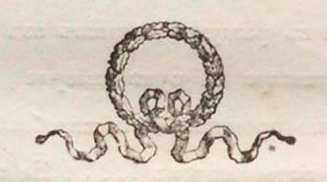
ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

(*Изъ Виктора Гюго.*)

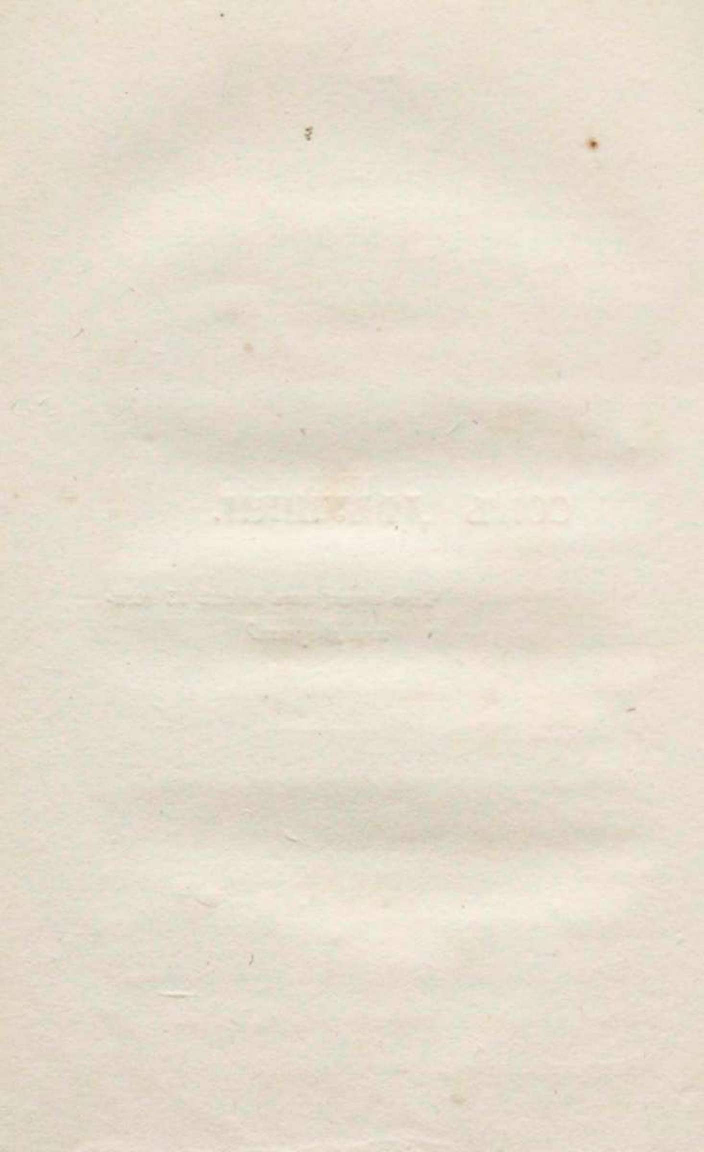
Въ водахъ полусонныхъ играла луна.
Гаремъ освѣжило дыханье свободы;
На ясное небо, на свѣтлыя воды
Султанша въ раздумьѣ глядитъ изъ окна.
Внезапно гитара въ рукѣ замерла,
Какъ будто протяжный и жалобный ропотъ
Раздался надъ моремъ! . . . Не конскій ли топотъ,
Не шумъ ли глухой удалаго весла? . . .
Не птица ли ночи, широкимъ крыломъ

Разсѣкла зыбучей волны половину?
Не духъ ли лукавый морскую пучину
Тревожитъ, безсонный, въ покоѣ ночномъ?...
Кто нагло смѣется надъ робостью жёнъ?
Кто море волнуетъ? . . . Не демонъ лукавой,
Не тяжкія весла лодьи величавой,
Не птица ночная! . . . Откуда же онъ,
Откуда протяжный и жалобный стонъ?
Вотъ грозный мѣшокъ! . . . голубая волна
Въ немъ члены живые и топитъ, и носитъ,
И будто пощады у варваровъ проситъ....
Въ водахъ полусонныхъ играла луна.

СОНЪ ДѢВУШКИ.

Чего не видитъ во снѣ 13 лѣтняя дѣвушка?

Скучно дѣвушкѣ съ старушкой
Длинной вечеръ просидѣть на единѣ,
Скучно съ глупою болтушкой
Пѣсни пѣть о незабвенной старинѣ.
Спится бѣдной за разсказомъ
О какомъ то колдунѣ,
И надъ слухомъ, и надъ глазомъ
Сонъ зацарствовалъ вполнѣ.
Вотъ уснула — и видѣнья,
Подъ Морфеевымъ крыломъ,

Разнесли благотворенья
Надъ пылающимъ челомъ.
Видитъ дѣва сонъ мятежный,
Плодъ томительныхъ годовъ,
Тайный отзывъ думы нѣжной:
Трехъ красивыхъ жениховъ.
Юны, пламенны и страстны
Къ ней приближились они,
Просятъ трое у прекрасной
Ласки дѣвственной любви!
Пышетъ пламень сладострастья
Въ соблазнительныхъ очахъ,
Ропотъ нѣги, ропотъ счастья
Замираетъ на устахъ.
Бьется сердце у Нанины,
Труденъ выборъ для души,
Женихи, какъ три картины,
Миловидны, хороши . . .
Наконецъ, невольной силой
Къ одному привлечена,

Говоритъ она : »мой милой ,
Я тебя обречена!«
Поцѣлуй любви трепещетъ
На счастливцѣ молодомъ,
Вдругъ струистый пламень блещетъ ,
Загремѣлъ подземный громъ ,
Все исчезло. . . засверкало
Что-то яркое въ углу,
Зашумѣло, зажужжало,
И, какъ будто на яву ,
Передъ ней козелъ рогатый ,
Старецъ съ книгою въ рукахъ ,
И пѣтухъ большой , мохнатый ,
Въ красно, бурыхъ завиткахъ. . . .
Обмерла моя Нанина ,
Нѣтъ защитника ни гдѣ. . .
»Пресвятая ! Магдалина,
»Не оставь меня въ бѣдѣ ! . . .

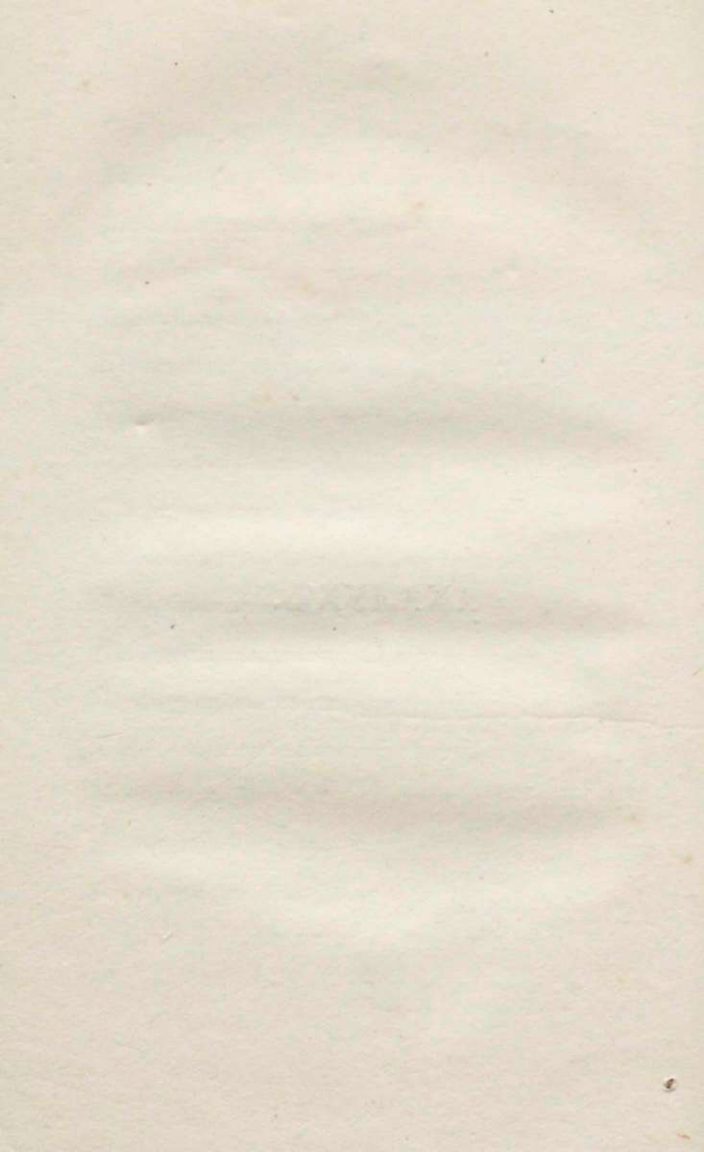
. . . .

Снова молнія сверкнула ,

Призракъ пагубный исчезъ,
Дѣва — ахъ! открыла очи,
Вкругъ постели тишина;
Лишь надъ ней во мракѣ ночи,
Какъ туманная луна,
Шепчетъ бабушка сѣдая,
Что-то съ книгой и крестомъ:
»Пробудись, моя родная,
Ты въ волненіи живомъ:
Соблазнилъ тебя лукавый
Окаянною мечтой. . .
Призови разсудокъ здравый,
Въ помощь съ вѣрою святой;
Мнѣ самой мечтались прежде
И козлы и пѣтухи,
Но не бойся — вѣрь надеждѣ
Намъ они не женихи.«

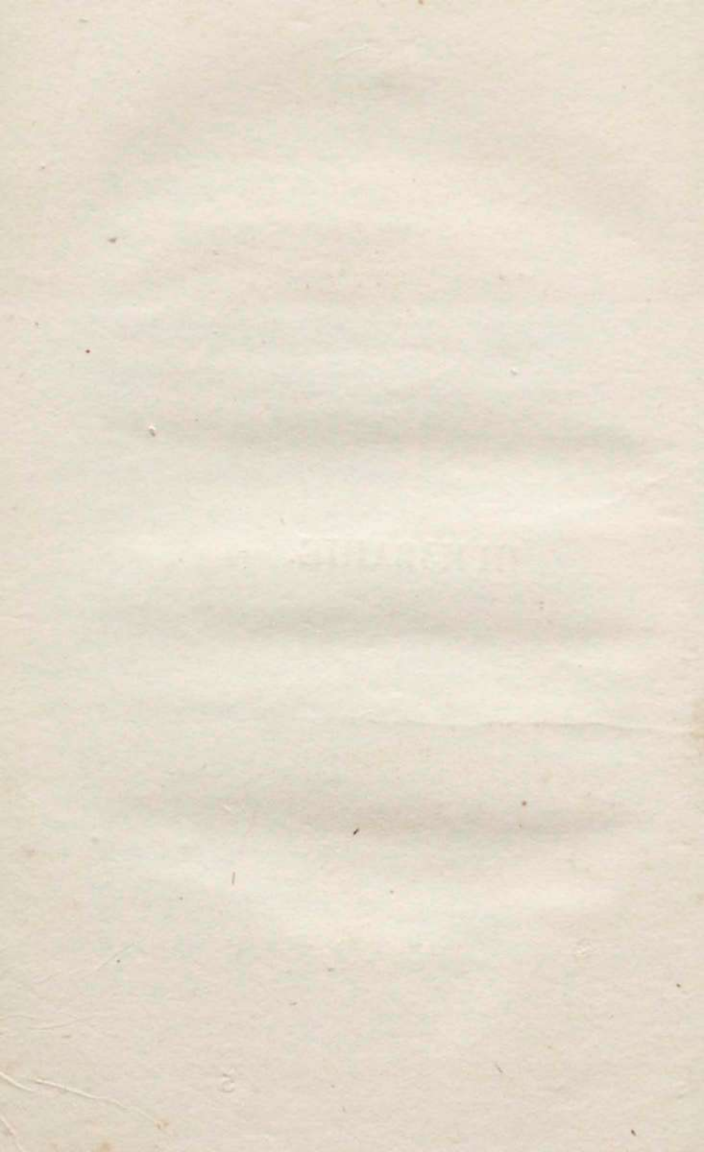
АХАЛУКЪ.

Ахалукъ мой, Ахалукъ,
Ахалукъ демикотонной,
Ты работа нѣжныхъ рукъ
Азіатки благосклонной.
Ты родился подъ иглой
Отагинки чернобровой,
Послѣ робости суровой
И любви во тьмѣ ночной.
Ты не пышной пестротою,
Цвѣтомъ гордыхъ Узденей,
Но смиренной простотою –
Цвѣтомъ сѣверныхъ ночей,
Милъ для сердца и очей...
Черенъ ты, какъ локонъ длинной
У цыганки кочевой,
Мраченъ ты, какъ духъ пустынной

Сторожъ урны гробовой.
И себребряной тесьмою,
Какъ волнистою струею
Дагестанскаго ручья,
Обвились твои края.
Никогда игра алмаза
У Могола на чалмѣ, —
Никогда луна во тьмѣ,
Ни чело твое, о База,
Это блѣдное чело,
Это чистое стекло,
Споря въ живости съ опаломъ
Подъ ревнивымъ покрываломъ,
Не сіяли такъ свѣтло!
Ахъ, серебряная змѣйка,
Ненаглядная струя —
Это ты, моя злодѣйка,
Ахалукъ суровый: я!

ПРИЗВАНІЕ.

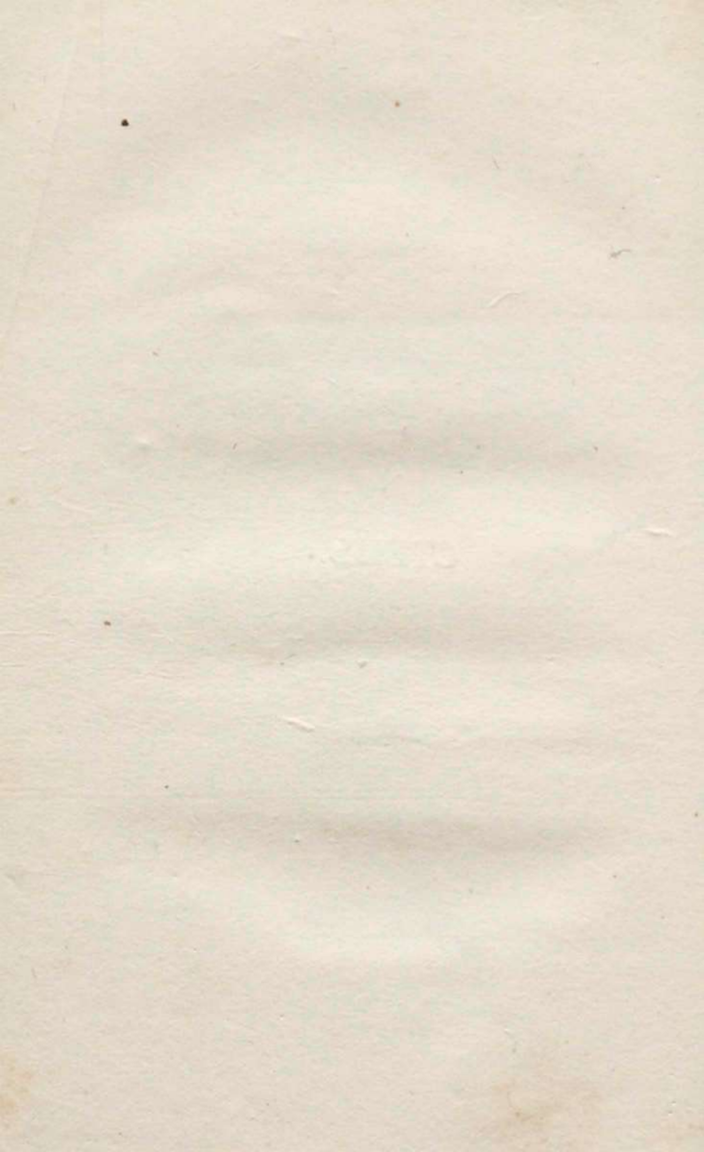

Въ душѣ горитъ огонь любви,
Я жажду наслажденья,
О милой мой, лови, лови
Мимуту заблужденья!
Явись ко мнѣ, явись какъ духъ
Нежданой, безпощадной,
Пока томится, ноетъ духъ
Въ надеждѣ безотрадной,
Пока играетъ на челѣ
Румянецъ прихотливой,

И вижу я въ туманной мглѣ
Звѣзду любви счастливой!
Я жду тебя, — я вся твоя,
Покрой меня лобзаньемъ,
И полно жить, — и тихо я
Сольюсь съ твоимъ дыханьемъ!
Въ душѣ горитъ огонь любви,
Я жажду наслажденья,
О милой мой, лови, лови
Минуту заблужденья!

СТЕПЬ.

Свѣтлый мѣсяцъ изъ за тучъ
Бросилъ тихо ясный лучъ
По степи безводной;

Какъ янтарная слеза
Блещетъ влажная роса
На травѣ холодной.

Время , дѣвица — душа ,
Изъ подъ сѣни шалаша
Пролети украдкой ;

Улови , прелестный другъ ,
Отъ завистливыхъ подругъ
Мигъ любови краткой !

Не звенитъ-ли за холмомъ
Милый голосъ ?

Не сверкнулъ-ли надъ плечемъ
Черный волосъ ?

Не знакомое-ли мнѣ
Покрывало

Въ благосклонной тишинѣ
Промелькало?

Сердце вѣщее дрожитъ,
Дѣва юная спѣшитъ
Къ тайному прiюту.

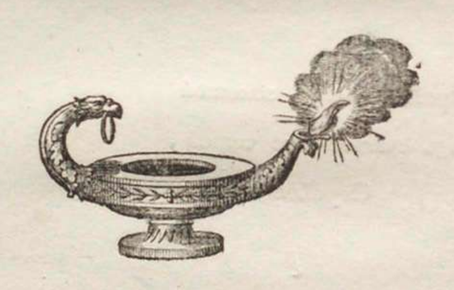
Скройся мѣсяцъ золотой
Надъ счастливою четой,
Скройся на минуту!

Мигъ волшебный пролетѣлъ
Какъ видѣнье,

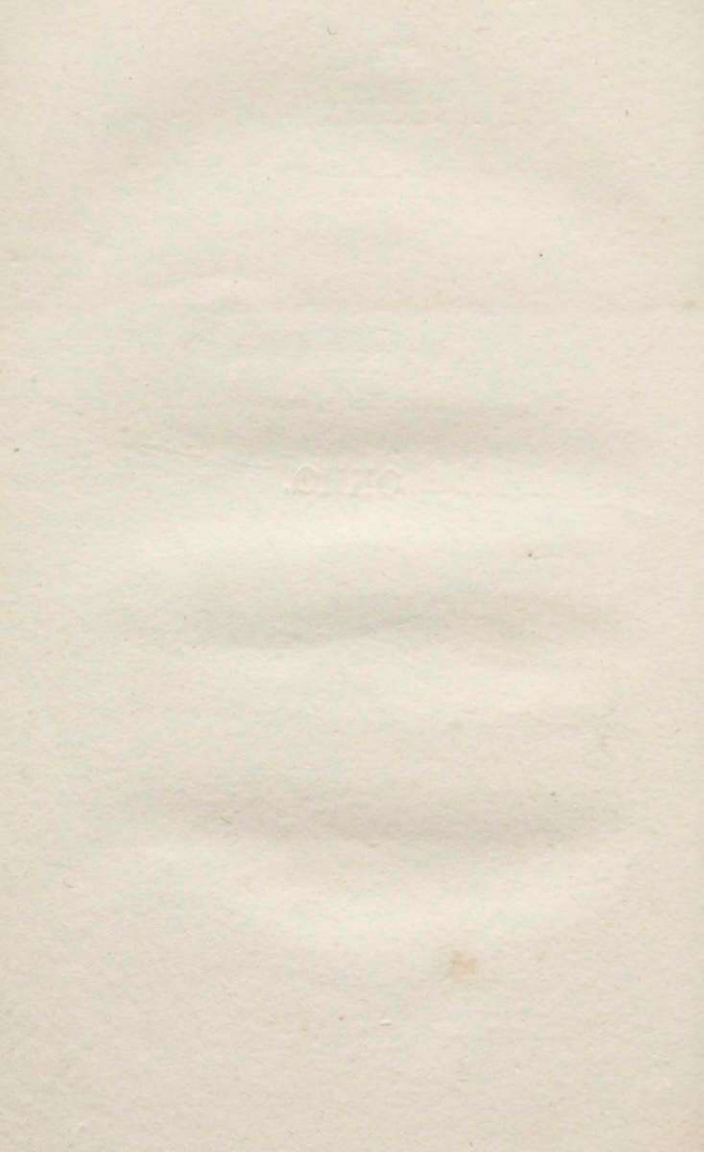
И осталось мнѣ въ удѣлъ
Сожалѣнье!

Скороль, дѣвица — краса,
Отъ желанья

Потемнѣютъ небеса
Для свиданья?

ОКНО.

Тамъ, надъ быстрою рѣкой,
Есть волшебное окно,
Бѣлоснѣжною рукой
Открывается оно.

Груди полныя дрожатъ
Изъ подъ тѣни полотна,
Очи свѣтлыя блестятъ
Изъ волшебнаго окна.

. . . .

. . . .

И склонясь на локопок
Подъ весенній вечерокъ,
Миловидна , хороша
Смотритъ дѣвица — душа.

Улыбнется—и природа разцвѣтетъ,
И пріятнѣй соловей въ саду поетъ ,

И надъ ручкою лилейной
Вьется вѣтеръ тиховѣйной ,
И порхаетъ,
И летаетъ
Съ сладострастною мечтой
Надъ дѣвицей молодой.

Но лишь только опускаетъ разкрасавица окно,
Все надъ Терекомъ суровымъ и мертво, и холодно.

Улыбнись душа — дѣвица,
Улыбнись, моя любовь,
И вечерняя зарница
Освѣтитъ природу вновь!
Нѣтъ! жестокая не слышетъ
Робкой жалобы моей,
И въ груди ея не пышетъ
Пламень нѣги и страстей!

Будетъ время, равнодушная краса,
Разнесется отъ печали свѣтлорусая коса!

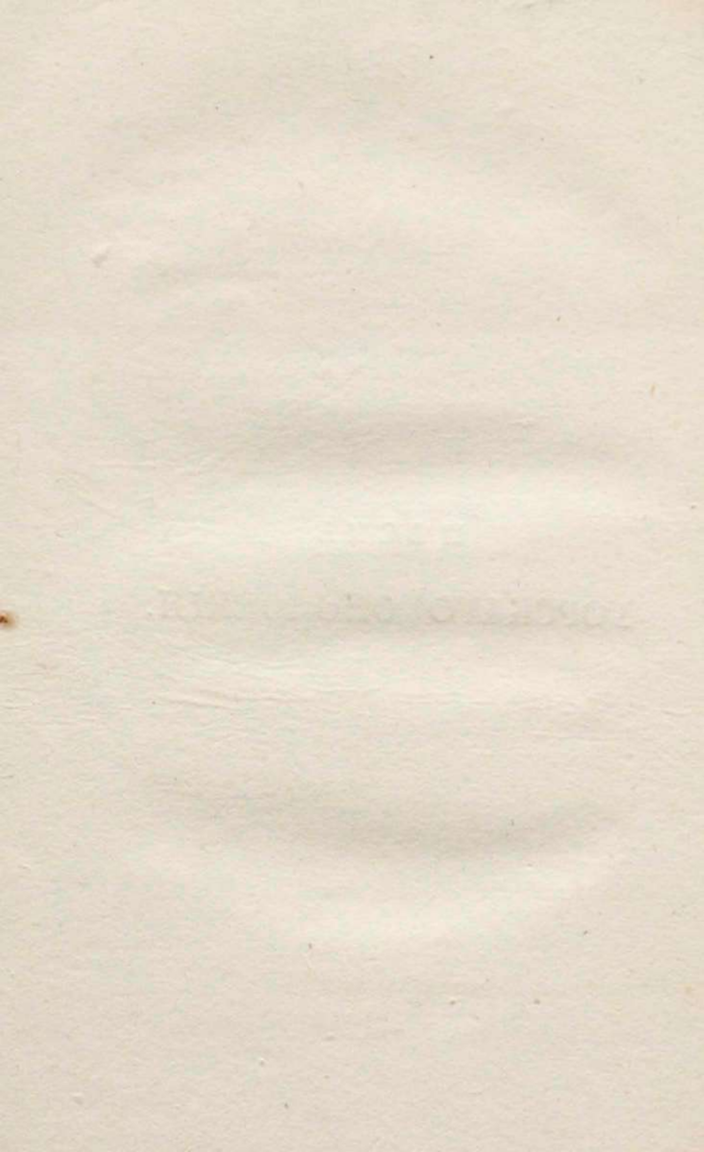
Сердце пылкое, живое
Загруститъ во тьмѣ ночной,

И страданіе чужое
Ознакомится съ тобой,
И откроешь ты ревниво
Потаенное окно,
Но любви нетерпѣливой
Не дождется ужъ оно.

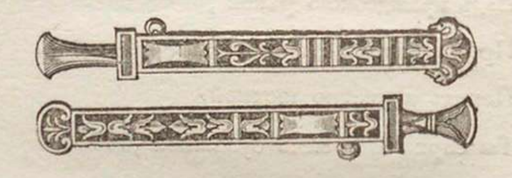
ПѢСНЬ

ГОРСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ.

Зашумѣлъ Орелъ двуглавый
Надъ враждебною рѣкой,
Прояснился путь кровавый
Передъ дружною толпой.
Ты заржавѣлъ мечь булатной,
Отъ бездѣйственной руки,
Заждались вы славы ратной
Троегранные штыки.
Завизжитъ свинецъ летучій
Надъ безстрашной головой,

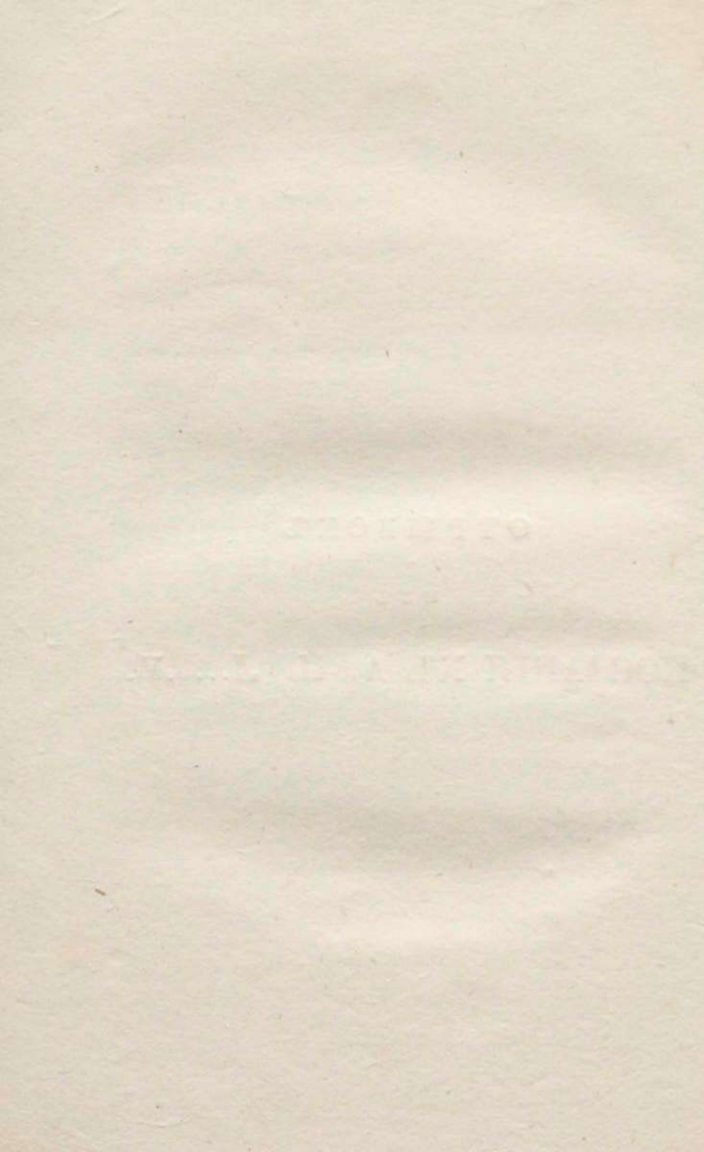
И нагрянетъ черной тучей
На врага зловѣщій бой.
Разорветъ ряды злодѣя
Смертоносный ураганъ,
И исчезнетъ цѣпенѣя
Ненавистный Музульманъ.
Распадутся съ ярымъ трескомъ
Неприступныя скалы,
И зажжется новымъ блескомъ
Грозный день Гебекъ Калы. [1].

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ПОСЛАНІЯ КЪ А. П. Л.....У.

И нѣтъ ихъ, нѣтъ! промчались годы
Душевныхъ бурь и мятежей,
И я далекъ отъ рубежей
Войны, разбоя и свободы. . .
И я, безъ грусти и тоски,
Покинулъ бранныя станицы,
Гдѣ въ вѣчной праздности дѣвицы,
Гдѣ въ вѣчномъ дѣлѣ казаки;
Гдѣ Молоканки очень строги
Для цѣломудренныхъ невѣстъ,

Гдѣ днемъ и стража и разъѣздъ,
А ночью шумныя тревоги;
Гдѣ бородатый богатырь,
Всегда готовый на сраженье,
Мѣняетъ важно на чихирь
Въ горахъ отбитое имѣнье;
Гдѣ беззаботливый старикъ
Всегда молчитъ благопристойно,
Лишь толькобъ сварливый языкъ
Не возмущалъ семьи покойной;
Гдѣ день и ночь сѣдая мать
Готова дочери стыдливой
Седьмую заповѣдь читать;
Гдѣ дочь внимаетъ терпѣливо
Совѣту древности болтливой,
И между тѣмъ, въ тринадцать лѣтъ,
Въ глазахъ святоши боязливой,
Полнѣе шьетъ себѣ бешметъ;

. . . .

Гдѣ безукорная жена

Глядитъ, скосясь на изувѣра, 2

. . . .

. . . .

Гдѣ мужъ, отъ сабли и сѣдла
Бѣжавъ, какъ тѣнь, въ покоѣ краткомъ,
Подъ кровомъ мирнаго угла,
Себѣ раститъ въ забвеньи сладкомъ
Красу оленьяго чела;
Гдѣ все живетъ однимъ развратомъ; 3
Гдѣ за червонецъ можно быть
Женѣ сестрой, а мужу братомъ;
Гдѣ можно рѣзать и душить
Проѣзжихъ съ солнечнымъ закатомъ;
Гдѣ ядъ, кинжалъ, свинецъ и мечъ
Всегда смѣняются пожаромъ,
И голова катится съ плечъ
Подъ неожиданнымъ ударомъ;
Гдѣ наконецъ Кази Мулла,
Свирѣпый воинъ Исламизма,
Въ когтяхъ полночнаго Орла

Разтерзанъ съ гидрой Фанатизма;
И палъ коварной Бей — Булатъ, 4
И кровью злобы и раздора
Запечатлѣлъ дѣла позора
Отважный русской Ренегатъ 5
И все утихло: стонъ проклятій,
Громовъ побѣдныхъ торжество —
И сѣло мира божество
На трупахъ недруговъ и братій. . .
Таковъ сей край, отъ древнихъ лѣтъ,
Свидѣтель казни Прометея,
Войны Лукулла, и Помпея,
И Тамерлановыхъ побѣдъ.

ИВАНЪ ВЕЛИКІЙ.

Опять она, опять Москва!
Рѣдѣетъ зыбкій паръ тумана,
И засіяли голова
И крестъ Великаго Ивана!
Вотъ онъ, огромный Бріарей,
Отважно спорящій съ громами,
Но другъ народа и Царей,
Съ своими спа колоколами!

Его набатъ и тихій звонъ
Всегда пріятны патріоту ;
Не въ первый разъ, спасая Тронъ,
Онъ влекъ злодѣя къ эшафоту !
И васъ, Реншильдъ и Шлиппенбахъ ,
Встрѣчалъ привѣтъ его громовой ,
Когда , съ улыбкой на устахъ ,
Влачились гордо вы въ цѣпяхъ
За колесницею Петровой !
Дѣла высокія Славянъ ,
Прекрасный вѣкъ Семирамиды ,
Герои Альповъ и Тавриды ,
Онъ былъ вашъ вѣрный Оссіянъ ,
Звучнѣй , чѣмъ Игоревъ Баянъ !
И онъ , супругъ твой Жозефина ,
Желѣзный волей и рукой
На вѣковаго исполина
Взиралъ съ невольною тоской !
Москва подъ игомъ супостата ,
И ночь, и бунтъ, и кремль въ огнѣ—

Не рѣдко новаго Сармата
Смущали въ грустной тишинѣ.
Еще свободы ярой клики
Тапла руская земля;
Но грозенъ былъ Иванъ Великій
Среди безмолвнаго Кремля;
И Святослава мечъ кровавой
Сверкнулъ надъ буйной головой,
И избалованная славой,
Она склонилась величаво
Передъ торжественной судьбой!..
Возстали царства; пламень брани
Подъ небомъ Африки угасъ,
И звучно, звучно съ плескомъ дланей
Слился Ивана шумный гласъ!..
И гдѣжь, когда въ скрижаль отчизны
Не вписанъ доблестный Иванъ?
Всегда, вездѣ безъ укоризны
Онъ русской правды Алкоранъ!..
Люблю его въ войнѣ и мирѣ,

Люблю въ обычной простотѣ,
И въ пышной пламенной порфирѣ,
Во всей волшебной красотѣ,
Когда во дни воспоминаній
Событій древнихъ и живыхъ
Среди щитовъ, огней, блистаній
Горитъ онъ въ радугахъ цвѣтныхъ!..
Томясь желаньемъ ненасытнымъ
Заняться важно суетой,
Люблю въ раздумьѣ любопытномъ
Взойти съ народною толпой
Подъ самый куполъ золотой,
И видѣть съ жалостью оттуда,
Что эта гордая Москва,
Которой добрая молва
Всегда дарила имя чуда,
Песку и камней только груда.
Безъ словъ коварныхъ и пустыхъ
Могу прибавить я, что лица,
Которыхъ болѣе другихъ

Ласкаетъ матушка столица,
Оттуда видны безъ очковъ,
Повѣрьте мнѣ, какъ вереница
Обыкновенныхъ каплуновъ....
А сколько мыслей, замѣчаній,
Философическихъ идей,
Филантропическихъ мечтані
И романическихъ затѣй,
Всегда на щетъ другихъ людей,
На умъ приходятъ въ это время
Какое сладостное бремя
Лежитъ на сердцѣ и душѣ!
Ахъ! это счастье безъ обмана,
Оно лишь жителя Монблана
Лелѣетъ въ вольномъ шалашѣ!
Одинъ крестьянинъ полу-дикой
Недаромъ молвилъ во слезахъ:
Великъ Господь на небесахъ,
Великъ въ Москвѣ Иванъ Великій!...
И такъ, хвала тебѣ, хвала,

Живи, цвѣти Иванъ кремлевскій,
И, утѣшая слухъ Московскій,
Гуди во всѣ колокола!...

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Пѣснь Горскаго ополченія.

1.) Гебекъ-Кала или святая гора, хребетъ Салатовскихъ горъ, гдѣ Генералъ Лейтенантъ Вельяминовъ, послѣ упорнаго сраженія, разбилъ наголову Кази Муллу, который безъ туфель, трубки и бурки бѣжалъ съ поля сраженія, и едва не былъ захваченъ въ плѣнъ, съ своею любовницею, Армянкою изъ города Кизляра.

Отрывокъ изъ Посланія.

2). Почетное титло, которымъ величаютъ иногда закоренѣлыя старообрядки русскихъ воиновъ.

3.) Частыя необходимыя сношенія Казаковъ съ Горцами служатъ невольною причиною безпорядковъ, происходящихъ иногда въ станицахъ. Кому неизвѣстны хищные, неукротимые нравы Чеченцовъ? Кто не знаетъ, что миролюбивѣйшія мѣры, принимаемыя Русскимъ Правительствомъ, для смиренія буйства сихъ мятежниковъ, никогда не имѣли

полнаго успѣха; закоренѣлые въ правилахъ разбоя они всегда одинаковы. Близкая, немунуемая опасность успокоиваетъ ихъ на время, послѣ опять тоже вѣроломство, тоже убійство въ нѣдрахъ своихъ благодѣтелей.. Черты безнравственности, приведенныя въ семъ отрывкѣ, относятся собственно къ этому жалкому народу.

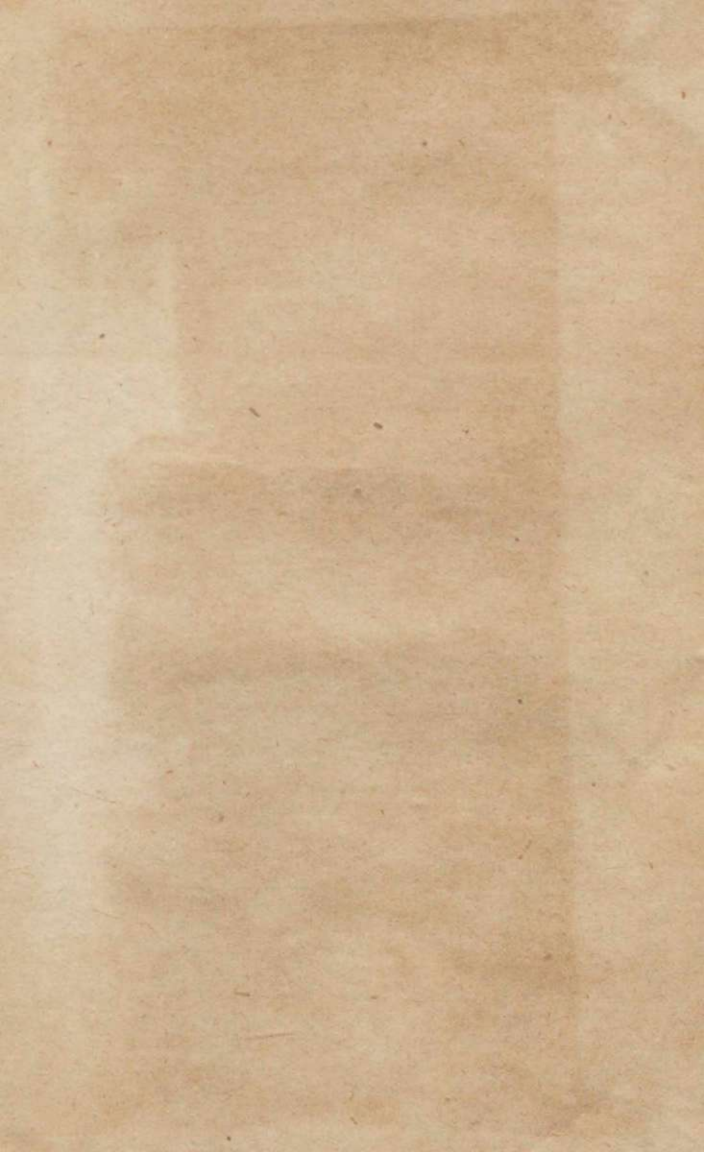
4.) Бей-Булатъ важное лицо въ Исторіи горскихъ революцій.

5.) Каплуновъ, бѣглой Руской солдатъ, прославившій себя въ горахъ разбоемъ и непримиримою ненавистью къ соотечественникамъ.

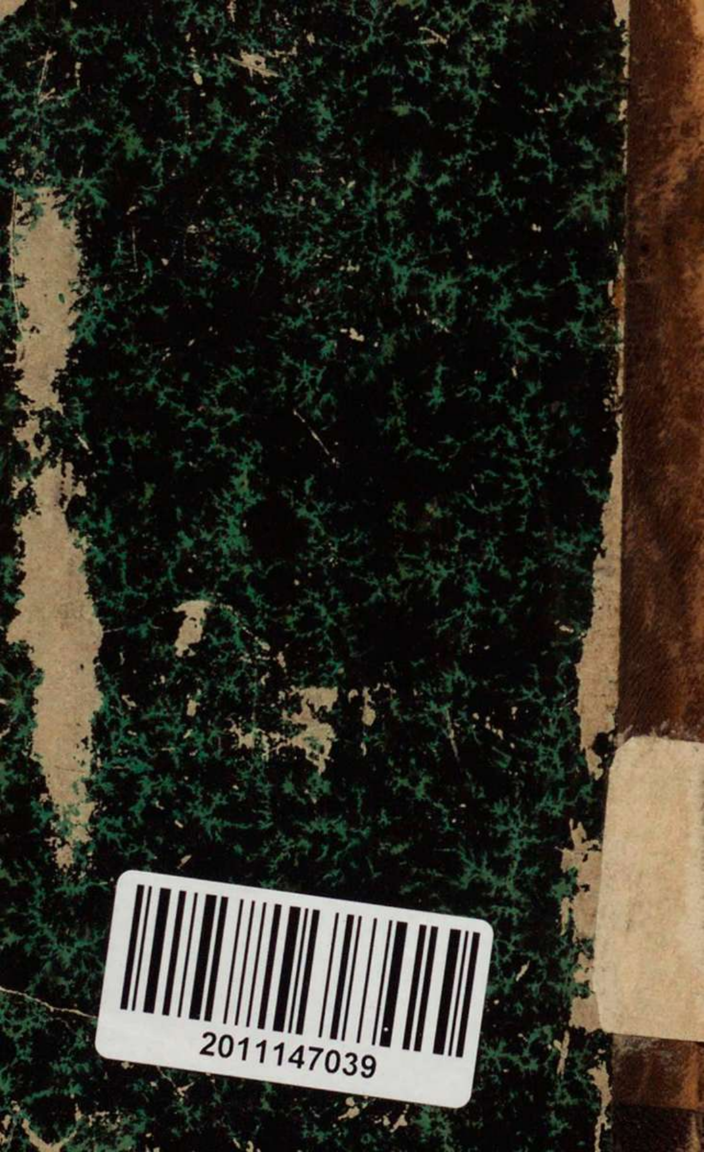
ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	*Напечатано:*	*Читай:*
38	8	Степелломъ	Стенелломъ
53	1	И тѣнь его одинъ внимаетъ гулъ тревожный	И слышитъ тѣнь его одинъ лишь гулъ тревожны.

2011147039